

Л. Е. Гринин

Волгоградский центр социальных исследований

*В статье рассматривается проблема, которая стала дискуссионной: являются ли античные полиции – Афины, Римская республика и другие – ранними государствами или они представляют собой особый тип безгосударственных обществ? В частности, Моше Берент в ряде своих работ пытается доказать, что Афины являются безгосударственным обществом. Однако такой вывод представляется неправомерным. Я обстоятельно показываю в статье, в чем несостоятельность аргументов Берента и других сторонников идеи безгосударственности античных обществ и почему можно считать, что **Афины и Рим были ранними государствами.***

*В статье на примере античных обществ рассматривается проблема многолинейности социополитической эволюции. С одной стороны, параллельно с ранними государствами возникали сложные негосударственные общества, сравнимые с государствами по размерам и другим параметрам, а также функциям. Такие полиции я называю **аналогами раннего государства** (см. мою статью «Раннее государство и его аналоги» в этом же сборнике). С другой стороны, многообразие социополитической эволюции выражается также в огромном разнообразии собственно ранних государств, среди которых бюрократические государства являются только одним из многих типов. Ранние демократические государства с небюрократическими чертами, анализу двух из которых посвящена эта статья, представляют другие типы.*

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ ОБЩЕЙ ТИПОЛОГИИ РАННИХ ГОСУДАРСТВ

1. Античность и теория государства

Афины и Римская республика целые столетия были образцами государства в представлении политиков и ученых. Поэтому вопрос о том, действительно ли они являлись государствами или были безгосударственными обществами, оказывается интригующим и важным сам по себе. Но какие есть вообще основания так ставить вопрос? Для начала можно указать, что у некоторых антропологов возникает «подозрение» относительно «греческого случая», связанного с тем, что, по их

Гринин Л. Е. / Раннее государство и демократия, с. 337–386

мнению, «общества, называемые городами-государствами, часто не являются государствами» (см., например: Marcus 1998: 89). Есть также и специалисты-античники, которые считают, будто полис не был государством (см. подробнее: Marcus, Feinman 1998: 8).

Но значимость этой проблемы еще больше возрастает оттого, что попытки решить вопрос о природе античных политий неизбежно приводят к рассмотрению более широкой и теоретически очень важной для антропологии проблемы: *какие политии вообще можно считать ранним государством? И можно ли, в частности, относить к ним общества с демократическим устройством?* Дело в том, что хотя прямо на негосударственном характере демократических политий, в частности Афин и Рима, все-таки настаивает не так уж много ученых, но фактически едва ли не любой анализ типичных признаков ранних государств прямо (см., например: Петкевич 2002: 148) или имплицитно исходит из того, что раннее государство – это обязательно государство монархического типа, иерархически устроенное¹.

Это определяет и некоторые довольно распространенные взгляды на типичные черты раннего государства. В частности, во-первых, полагают, что возможность влиять на политику всегда сосредоточена почти исключительно в клане правителя или в довольно узких высших кругах², а во-вторых, что основная часть населения постоянно отделена от политической сферы, а его участие в государственной жизни было сведено только к выполнению обязанностей (военная служба, налоги и труд). В-третьих, чтобы закрепить такое распределение обязанностей, требуется наличие аппарата насилия. Прекрасным примером, иллюстрирующим распространенность этих взглядов, является статья М. Берента, о которой чуть дальше.

Бесспорно, жесткая отделенность масс от политики, концентрация власти и принятия решений в узком кругу были не просто распространенным, но типичным явлением для ранних государств. Однако типичное не означает единственно возможное. Иными словами, были и достаточно многочисленные исключения из этих правил. Например, в Афинах и Римской республике монархи отсутствовали, влияние родовых отношений на власть было небольшим, система подбора кадров строилась на иных основах, чем в других обществах, граждане не были исключены из политики, а активно в ней участвовали, насилие в отношении граждан применялось нерегулярно.

Такие кажущиеся «противоречия» с представлением о том, что есть государство, побудили некоторых антропологов к призыву вообще отказаться от термина «город-государство» (например: Burke 1986: 151), поскольку, по их мнению, этот термин несет на себе смысловую нагрузку близости к полису, тогда как подобные политии во многих частях мира не были похожи на древнегреческие, либо они были слишком малы, либо явились результатом распада более крупных государств и т. п. (см. подробнее: Marcus, Feinman 1998: 9). Действительно, города-

государства очень не похожи друг на друга, некоторые из них и не являются государствами (а могут быть как догосударственными полициями, так и аналогами государства). Все это требует конкретного анализа. Но попытка отказаться от этого термина либо заменять его каждый раз на специфические исторические (см. подробнее: Marcus, Feinman 1998: 8) малопродуктивна.

Таким образом, вопрос о том, как классифицировать Афины (и другие античные полисы) и Римскую республику: в качестве ли ранних государств особого типа или аналогов раннего государства, – приобретает большое теоретическое значение³.

Конечно, с марксистской точки зрения они выступают едва ли не классическими образцами государства. Недаром же Энгельс уделил истории Афин и Рима столько внимания в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Античное государство, по его мнению, было, прежде всего, «государством рабовладельцев для подавления рабов» (Энгельс 1961: 179). Обе эти политики хорошо соответствуют и знаменитому ленинскому определению государства как организации, с помощью которой один класс может эксплуатировать другой и держать его в повиновении (Ленин 1974 [1917]: 24).

Однако часть советских историков всегда испытывала трудности при приложении концепции исторического материализма к исследуемым ими обществам. В отношении Греции и Рима проблемы, во-первых, вытекали из того, что иногда было невозможно использовать понятие общественных классов для характеристики социальных слоев и ранних сословий (см., например: Штаерман 1989: 81–85). Во-вторых, само понятие государства прочно ассоциировалось с бюрократией и другими чертами, характерными для ряда восточных деспотий. Между тем ни в Риме, ни в Афинах государственные служащие никак не походили на чиновников (см., например: Osborne 1985: 9). В-третьих, были трудности и с некоторыми иными признаками, которые считались неизменными для любого государства, например с обязательностью налогов. Ведь граждане Римской республики, Афин и ряда других полисов не платили регулярных налогов, а только экстраординарные. Эти и другие особенности античных обществ давали основание поднимать ряд сложных проблем, например, о том, является ли полис государством (например: Утченко 1965: 18; см. также: Глушкина 1983а: 31; Фролов 1986: 18), а также является ли он городом (Кошеленко 1979: 5–6; 1983: 31; Маринович, Кошеленко 1995; см. об этом также: van der Vliet 1987: 71).

2. Типология ранних государств

Как мной было показано в статье «Раннее государство и его аналоги» (Гринин 2006б), одновременно с ранними государствами существовали сложные разнообразные по формам и институтам негосударственные общества, сравнимые с государством по размерам, численности населения, другим параметрам и функциям, то есть аналоги раннего

государства. Таким образом, процесс политогенеза нельзя сужать только до формирования государства. Однако и сами ранние государства нельзя свести к одному его типу, а именно к бюрократическому государству. Разнообразию политической эволюции выражается, в частности, в огромном разнообразии собственно ранних государств, среди которых бюрократические государства представляли собой только один тип. Хотя далее пойдет речь о демократических ранних государствах античности, есть необходимость сказать немного о типологии ранних государств. Конечно, разработка такой типологии – это особая и весьма сложная задача, но даже набросок такой классификации, который я представляю ниже, вполне доказывает, что правомерно говорить о многих типах ранних государств (см. также: Гринин 2001–2005; 2006a; Grinin 2004a; 2004b).

В рамках настоящей статьи под **ранним государством** понимается **особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства.**

Среди типов ранних государств в первую очередь следует, конечно, выделить **бюрократические**. Государство третьей династии Ура (XXI–XXI вв. до н. э.) в Месопотамии является классическим образцом этого типа (Дьяконов 2000: 64–65; Виткин 1968: 433–434; Емельянов 2003). Но можно вести речь также о **сакральных** без значительного развития бюрократии (примерами являются молодые государства Океании, образовавшиеся в конце XVIII – XIX в. после прихода европейцев: Таити, Тонга). Многие африканские ранние государства также являются **сакральными**, однако у них бюрократические структуры развиты существенно сильнее (см., например: Кочакова 1995)⁴. Можно выделить и тип **имперских небюрократических** государств (вроде ацтекского [Johnson, Earle 2000: 306]).

Русь, Норвегия и другие страны являли пример **дружинного** государства, в котором могущество правителя «измерялось в первую очередь размерами его дружины» (Гуревич 1980: 131; см. также: 1970: 173)⁵. Что касается Спарты, то, например, Финли указывал на нее как на модель военного государства. Но парадокс, по его мнению, заключался в том, что эта модель была разрушена вследствие больших военных успехов Спарты (Finley 1983: 40). Однако и помимо Спарты много других древних государств были военными, но с различными особенностями. Поэтому, мне кажется, более корректно рассматривать Спарту как военное общинно-рабовладельческое государство. А можно гово-

речь о **военно-торговых** государствах, в частности у кочевников (Хазария, Тюркский каганат)⁶. И просто о военных захватнических государствах, какова, например, была Монгольская империя или Древняя Ассирия. Ряд средневековых государств Европы, Московская Русь⁷, ранняя Османская империя, равно, как и ее предшественник в Малой Азии в XI–XIII вв. – государство Сельджукидов, представляли собой **военно-служивые** (военно-феодалные) государства (см.: Петросян 1990: 91; Гордлевский 1941: 69; Строева 1978: 5–11). Особым – **общинным** – типом раннего государства, возможно, являлся Бенин⁸. И т. д.

Полис и Римская гражданская община (цивитас), как мы увидим чуть позже, также следует рассматривать как особые типы раннего государства. В чем-то они были между собой похожи, но во многом и различны. Может быть, поэтому их эволюционные возможности оказались разными. Римская республика не без кризисов, но стала развитым государством. А переход из демократического небольшого полиса в развитое государство оказался невозможным⁹.

Однако демократические ранние государства вовсе не являются особенностью только европейской античности. Они существовали в разных частях света. В частности, в Северной Индии в древности (VI в. до н. э. – III в. н. э.) было немало республик с разным типом правления, но где, однако, население или аристократический совет избирали правителей. При этом республики вели упорную борьбу с монархиями и не раз одерживали внушительные победы. Среди «великих стран» буддийские источники упоминали и некоторые республиканские государства (Бонгард-Левин 1979; Бонгард-Левин, Ильин 1969: 91–94; Mishra P., Mishra J. 2002).

3. Безгосударственные общества или особый тип раннего государства?

В настоящее время некоторые российские ученые рассматривают Афины, другие греческие полисы и Римскую республику как особого рода безгосударственные общества, альтернативные государству по уровню развития и сложности¹⁰. Однако, хотя многие другие идеи этих исследователей я исключительно высоко ценю, с данным утверждением согласиться не могу. И поскольку в поддержку этого взгляда – о безгосударственности греческого полиса и Римской республики – они особенно ссылаются на мнения двух серьезных специалистов-античников (М. Берента и Е. М. Штаерман), я посчитал необходимым подвергнуть критике аргументы именно этих двух авторов. В качестве объекта для этого я выбрал две статьи: Berent, M. The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community (Berent 2000b; см. также: Berent 2000a; 2004; 2006; Берент 2000; 2002); Штаерман, Е. М. «К проблеме возникновения государства в Риме» (1989). Последняя работа, хотя и вышла относительно давно, в некоторых отношениях не утратила актуальности. Кроме того, в 1989–1990 годах по этой статье шла дискуссия в «Вестнике древней истории» (на некоторые материалы которой я также ссылаюсь), что увеличивает интерес к обсуждаемому вопросу. Обе ста-

тьи интересны, дискуссионны и высокопрофессиональны, что делает рассмотрение аргументов их авторов теоретически важным. Это подтверждается, в частности, интересом к этой теме со стороны ряда ученых¹¹. В частности, обстоятельную критику взглядов Берента дали также М. Х. Хансен (Hansen 2002) и ван дер Влит (2006).

Берент считает, что Афины и другие полисы были безгосударственным обществом, Штаерман – что Рим эпохи расцвета классической гражданской общины (*civitas*, *цивитас*) был «общиной, восстановленной на новом этапе, с характерным для общин типом “авторитета”, который действовал на “общую пользу” гражданского коллектива...» (с. 89).

Прежде всего, я должен сформулировать собственную позицию:

Афины и Римская республика являются ранними государствами. Однако их нельзя рассматривать как развитые (сформировавшиеся в полной мере) государства и тем более как зрелые государства¹².

Афины и Римская республика являются особыми типами раннего государства, существенно отличными от иных его (особенно бюрократического) типов.

Однако хотел бы сразу оговориться, что в данной работе нет ни возможности, ни необходимости анализировать особенности многих древнегреческих полисов. Достаточно ограничиться только Афинами. Тем более, что и Берент в своей статье хотя и говорит о полисе вообще, но основное внимание уделяет именно им. Я исходил из того, что, если удастся доказать, что Афины являются ранним государством, этого будет уже достаточно для решения поставленной мной задачи. С другой стороны, если бы мои оппоненты были правы в том, что Афины есть безгосударственное общество, то это было бы правильным и в отношении многих других полисов (исключая разве что Спарту).

Кроме того, утверждать, что все древнегреческие полисы являлись государствами, было бы опрометчиво. Напротив, я думаю, что каким-то полисам из-за их небольших размеров и особенностей положения просто не требовалась государственная форма¹³, а также, что какая-то часть полисов могла так и не выйти из догосударственного состояния, а какая-то перерасти его, но превратиться в аналог. В частности, можно предположить, что аналогом раннего государства выступал Дельфийский полис¹⁴. Но Афины, а также и многие другие полисы, бесспорно, были государствами.

Критика указанных авторов – первая задача статьи. Другая – показать, что четыре признака (особые свойства верховной власти; новые принципы управления; новые формы регулирования жизни общества; редистрибуция власти), которые я сформулировал для отличения раннего государства от его аналогов (см.: Гринин 2006б), характерны и для античных политий. Анализ устройства и политического функционирования последних в таком аспекте дополнительно доказывает, что Афины и Римская республика являются ранними государствами, а не его аналогами, а также подтверждает применимость моей теории для анализа разных типов ранних государств.

4. Некоторые недостатки подходов Берента и Штаерман как иллюстрация недостатков распространенных взглядов на генезис государства и социальную эволюцию

К сожалению, ни Берент, ни Штаерман фактически не разграничивают в своем контексте зрелое и раннее государства, хотя первый употребляет понятие «раннее государство» в самом названии статьи, а вторая в начале статьи обсуждает проблему грани между вождеством и ранним государством. И очень часто их аргументы против признания наличия государства в Афинах и Риме являются, по сути, аргументами против наличия там зрелого государства (или, в моей терминологии, *развитого* государства – см.: Гринин 2006в). Таким образом, происходит незаметная для самих авторов подмена: сначала фактически доказывается, что нет развитого государства, а потом делается вывод, что нет и вообще государства. Например, Штаерман пишет: «Таким образом, вряд ли Рим эпохи расцвета классической *civitas* можно считать **сложившимся** государством. Он был общиной...» (с. 89; выделено мной. – Л. Г.). Но не быть сложившимся государством вовсе не значит не быть ранним государством, а являться каким-то безгосударственным обществом. Совсем напротив, раннее государство, по определению, не может быть сложившимся.

Убеждение в том, что раннее и зрелое государства имеют одни и те же существенные признаки, является очень распространенной ошибкой, которая нередко определяет и ошибочность подхода исследователя в целом. Между тем, **большинство ранних государств оказались неспособными стать развитыми государствами** (см., например: Claessen, Skalnik 1978a; Claessen, van de Velde 1987; 1991; Skalnik 1996; Shifferd 1987; Tymowski 1987; Кочакова 1995). **Почему? И что означает такая неспособность в плане теории социальной эволюции?**

Если давать общий ответ, то он будет следующим. Такие государства часто вполне отвечали задачам и условиям, в которых они находились. Однако они были устроены так, что не имели механизмов и потенциалов, которые при благоприятных обстоятельствах могли бы продвинуть их на более высокую ступеньку развития (либо необходимые благоприятные условия так и не сложились).

С точки зрения теории социальной эволюции это означает, что ранние государства были устроены по-разному, что они решали свои проблемы с помощью различных политических механизмов. Иными словами, можно говорить о **разных типах** ранних государств. *Стадийно* эти типы следует считать равноправными. Но *эволюционно* они отличаются очень существенно.

Из сказанного следуют логически простые, но очень важные вещи.

Во-первых, наличие разных типов ранних государств означает, что одни из этих типов оказались в дальнейшем эволюционно проходны-

ми, а другие – эволюционно тупиковыми. А это, в свою очередь, означает, что:

а) естественно, далеко не все политические, организационные и иные достижения ранних государств оказались востребованными в развитых;

б) однако, хотя многие институты и отношения были «пригодными» только в определенных условиях и в определенных обществах, это ни в коей мере не означает, что общества, которые ими обладали, не являлись раннегосударственными. Приведу простой пример. В ходе эволюции утвердился принцип передачи престола по прямой линии (от отца к сыну). Однако это вовсе не значит, что общества (такие, как Киевская Русь например), в которых престол передавался не старшему сыну, а старшему родственнику, не являлись раннегосударственными¹⁵. То же самое относится к принципам формирования и деятельности госаппарата, армии, политическому режиму и т. п. В частности, то, что монархия была преобладающим типом государства, не означает, что уже по одной этой причине демократические политии не являются государствами. Вопрос о характеристике последних должен решаться на основании их сравнения с догосударственными и аналоговыми обществами, как это было показано мной (Гринин 2006б) и как будет показано далее в этой статье;

в) таким образом, необходимо совершенно однозначно отказаться от однолинейного взгляда на эволюцию вообще и эволюцию государства в частности. Если мы будем считать государственными только те признаки, которые стали ведущими в дальнейшем, мы сильно сузим и исказим представления о процессе политогенеза¹⁶.

Во-вторых, **три главных признака (бюрократический аппарат, налоги, территориальное устройство), характерных для многих развитых государств, плохо приложимы к ранним государствам, поскольку обычно в ранних государствах некоторые из этих признаков отсутствуют либо они недостаточно ясно выражены** (см.: Гринин 2001–2005; 2006а; 2006в). Зато во многих ранних государствах тот или иной из этих ставших впоследствии эволюционно ведущими в государствах признаков заменялся другими, достаточно эффективными для решения конкретных задач. Так, в данном случае я доказываю, что право и суд в античных государствах во многом компенсировали отсутствие развитой администрации.

В-третьих, как показано выше, можно говорить о разных типах ранних государств. А разные типы означают различие не только по размеру, но и по принципам устройства. Таким образом, отсутствие бюрократии в греческом полисе и римской цивитас (civitas) само по себе не может служить доказательством, что они не являются ранним государством. На мой взгляд, это доказывает совсем иное: полис и цивитас не были бюрократическим типом раннего государства, а представляли собой особые типы раннего государ-

ства (о подобных мнениях некоторых участников дискуссии по статье Штаерман см., например: Андреев 1989: 71; Якобсон 1989: 77; Трухина 1989: 74; см. также: Hansen 1989: 41; 1998; 2002; van der Vliet 2005).

Поэтому, когда Берент и Штаерман пытаются доказать отсутствие государства в Афинах и Риме, показывая их отличия от крупных аграрных бюрократических государств, это значит, что они фактически сводят многообразие раннегосударственных форм только к одной из них, просто потому, что в конце концов эта форма стала эволюционно ведущей.

Однако если мы признаём, что имелись различные типы ранних государств, значит, мы должны рассматривать все типы как «правильные», хотя одни из них более похожи на будущие развитые государства, чем другие. Следовательно, общие черты ранних государств должны быть найдены не признанием среди разных типов одного «эталонного» и «правильного», а на уровне более высокой абстракции.

О типологии раннего государства уже шла выше речь. Но она может проводиться по разным основаниям. Например, ранние государства можно разделить на **монархические и демократические**. В этом случае нельзя не учитывать, что любое хоть в какой-то степени демократическое государство отличается от монархического уже тем, что источник власти лежит в гражданах, имеющих право голоса, а в монархиях – в особых правах монарха. Поэтому форма жизни демократических государств непременно связана с регулярной сменой власти или правительств. При этом крайне важными выступают процедурные вопросы организации выборов, принятия решений и т. п. Для монархических государств вопросы процедуры принятия и исполнения решений становятся важными уже на более высоком уровне развития.

Стоит подчеркнуть, что в своих теоретических построениях Берент и Штаерман недостаточно учитывают специфику демократических государств по сравнению с монархическими. Поэтому многие особенности Афин и Рима (например короткий срок пребывания на должностях), на которые они указывают как на доказательство того, что в этих обществах отсутствует государство, оказываются вполне типичными и для других демократических государств (в частности итальянских средневековых республик).

Другими словами, некоторые отличия Афин и Рима от восточных государств – это не отличия государств от безгосударственных политий, а отличия демократических ранних государств от монархических.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. Естественность демократического пути формирования государства. Трансформация полиса в государство

Как известно, в охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах было много элементов первобытной демократии. Меньше, чем у охотников, но все же

весьма широко демократия была распространена среди примитивных земледельцев и скотоводов. Расслоение общества на знатных и незнатных, богатых и бедных, имеющих больше и меньше прав, а также рост объемов общества существенно ее «потеснили». Однако, благодаря как длительной традиции, так и сложности узурпации власти, **демократия долго оставалась одним из естественных путей политогенеза.**

«Выбор» демократической формы политического устройства определялся разнообразными причинами, точнее даже, сложным их комплексом. О некоторых из таких причин будет сказано далее. Одной из важнейших среди них могло быть географическое положение общества, в частности горный рельеф местности, препятствующий объединению мелких политий в крупную (см. об этом, например: Korotayev 1995).

Таковыми мелкими политиями являлись и полисы. «Полис – сравнительно небольшая – от нескольких сот до нескольких тысяч человек – община граждан, основное занятие которых – земледелие – база экономики полиса» (Кошеленко 1983: 30). Легко понять, что такой полис – это стадийно догосударственное образование¹⁷. Зачаточное раннее государство, согласно Классену (см.: 2006), должно иметь по крайней мере 5–6 тыс. жителей. И даже с таким населением стать ранним государством возможно было далеко не всегда, а только в самых удачных случаях. Фактически для образования государств обычно требовались большие объемы. Например, Платон в «Законах» указывает, что в идеальном полисе должно быть 5 тыс. полноправных граждан, владеющих наделами земли (737e, 745c). А это значит, что население такого полиса, включая женщин и детей, неграждан и рабов, составляло бы уже десятки тысяч человек¹⁸.

Таким образом, переход к ранней государственности был связан с ростом объемов полиса, что неизбежно вело к изменению организации управления.

А рост объемов мог иметь место:

– в результате участвовавших войн, которые вынуждали – в целях защиты и безопасности – к объединению мелких населенных пунктов в крупные, то есть *синойкизму*. Поэтому полис, даже небольшой, представлял собой гражданскую общину, родившуюся чаще всего из слияния территориальных общин (Кошеленко 1983: 36; см. также: Кошеленко 1987: 40; Фролов 1986: 44). Это само по себе уже рвало определенные традиции;

– удачных завоеваниях, как это было со Спартой, захватившей Мессению в VIII–VII веках до н. э.¹⁹; с некоторыми городами Фессалии и Крита (см.: Андреев 1979: 21; 1983: 201). Ярчайшим примером такого развития является ранний Рим, а также и Карфаген;

– наличия свободного фонда земли, что дает возможность для естественного роста населения (случай для Греции нетипичный, кроме некоторых греческих колоний, но имевший место в раннем Риме, где всегда была свободная общественная земля, так называемая *ager publicus*²⁰);

– наконец, при изменении производственного базиса, особенно при расширении роли ремесла и торговли. Для Афин и ряда других полисов этот путь и оказался приемлемым.

Несомненно, некоторые важные предпосылки для появления и развития **демократического** государства имелись уже и в догосударственном полисе.

Во-первых, традиции многих догосударственных обществ были сильно демократичны.

Во-вторых, в условиях концентрации населения на малой территории (типичнейшая ситуация в городских общинах) управление опиралось на непосредственную близость населения и власти, территориальную доступность последней и возможность непосредственного участия граждан в управлении. Это нередко способствовало демократическим формам управления, а также их развитию в сторону усиления институционализации, формализма, правовой и процедурной составляющей функционирования власти. При определенных условиях (особенно в связи с военной обстановкой) это облегчало превращение общины в государство. История полисов (и *цивитас*) очень хорошо иллюстрирует мою мысль о том, что **государство рождается в условиях каких-то резких изменений** (см.: Гринин 2001–2005; 2006а). Всякого рода революции и контрреволюции, переселения, тирании и их свержения, а также войны облегчали переход от традиционных форм регулирования к иным: формально-правовым, государственным.

В-третьих, недостаток места через какое-то время требовал строго контролировать число переселенцев. Поэтому община начинала с какого-то момента ограничивать их приток. Так возникла идеология особой близости определенного количества людей – граждан полиса, так легче было изменить прежние различия: по родам, фратриям, племенам.

В-четвертых, несакральный или ограниченно сакральный характер вождя-правителя в таких общинах определял в целом **слабость царской (монаршей) власти**. Монарх не обладал и достаточным аппаратом подавления. Неудивительно, что греческие *базилевсы* утратили свою власть. А если обратиться к истории Рима, то причины сравнительно легких революций по изгнанию царя, когда он начинает нарушать свои обязанности и превышать права, станут еще понятнее. Так, в Риме, по мнению ряда исследователей, монарх, во-первых, был чужеземцем, во-вторых, не мог передать свою власть по наследству, в-третьих, почти все римские цари (согласно традиции) погибли насильственной смертью, причем некоторые из них от рук своих преемников (см.: Немировский 1962: 151–152).

Подводя итоги, можно сказать, что подобно тому, как крепкая власть вождя в вождестве способствует формированию монархического государства, так и примитивная демократия в полисе могла перерасти в демократический государственный строй. Разница только в потенциальных возможностях роста и в эволюционной перспективе.

Монархия подчас могла трансформироваться в крупную империю с населением в миллионы, а полис в лучшем случае становился политической в сотню-другую тысяч человек (см. также: Хоцей 2000: 512–515).

Но следует заметить, что развитая демократия полиса не вырастает прямо из демократии догосударственных общин. Она является уже результатом, говоря языком Гегеля, отрицания отрицания, результатом длительной борьбы различных тенденций: аристократической и демократической, тиранической и демократической. Уже «давно было установлено: греческий полис, прежде чем прийти к демократическому государственному устройству, должен был проделать долгий путь развития, пройдя через ряд промежуточных стадий» (Виноградов 1983: 394).

Политическая форма нередко зависела от конкретных обстоятельств и исхода политической борьбы. Но можно сказать, что развитие ремесла и торговли усиливало демократические тенденции²¹. И несомненно, что рост товарности, ремесла и торговли в Афинах привел к политическому росту силы демоса, что и выразилось в бурных политических событиях начала VI века до н. э. В V в., по мнению некоторых исследователей, шла такая эволюция Афинского полиса, в результате которой экономические и политические принципы, социальная структура, моральные ценности и политические качества переросли полисные рамки (см.: Глускина 1983а: 7).

2. Эволюционные ограничения демократического пути формирования государства

Демократия прямого действия (то есть непредставительная) оптимальна лишь до известного предела развития и при определенных размерах, когда есть возможность для населения непосредственно участвовать в управлении, а для власти осуществлять прямой контроль над территорией. Поэтому истинно демократические государства могли быть только мелкими (см.: Штаерман 1968: 670; см. также: Даль 2000: 101–102). Как отмечал еще Монтескье (1955 [1748]), республика по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится, а обширные размеры империи – предпосылка для деспотического управления (см. также: Арон 1993: 41).

Но мелкие государства не являлись ведущей линией политической эволюции. Уже это легко объясняет слабую распространенность такой формы правления, как демократическая, вплоть до недавнего времени. Олигархические и аристократические республики (как Карфаген или Рим) могли расширяться и становиться крупными государствами. Но это была уже совсем иная демократия, чем в Афинах и ряде других греческих полисов. И все равно территориальный рост склонял даже аристократические республики к диктатуре или монархии, как это случилось в Риме.

Имелись и другие причины, по которым демократические города-государства не могли стать достаточно распространенной формой.

Во-первых, торгово-ремесленный базис общества был сам по себе более редким, чем аграрный, и более неустойчивым²².

Во-вторых, неустойчивость политической ситуации способствовала постоянным изменениям в самом государственном устройстве, что неизбежно вело раньше или позже к упадку.

Постоянные политические и конституционные перевороты характерны не только для античной Греции. Государственная структура итальянских коммун также «отличалась чрезвычайной изменчивостью и представляла собой удивительное зрелище на фоне средневековой жизни, где столь важны обычное право, неподвижность, традиции. Тогдашняя поговорка утверждала, что «флорентийский закон держится с вечера до утра, а веронский – с утра до полудня» (Баткин 1970: 240; см. также о Генуе: Рутенбург 1990: 72). Сроки пребывания на всех должностях во Флоренции были 2–4 месяца, поэтому город жил в атмосфере перманентных выборов (Краснова 2000: 58).

Можно также добавить, что до какого-то момента развитие демократии позволяет демократическому государству конкурировать с монархическими и даже одерживать над ними победы. Разве не связаны были политические и культурные успехи Афин с развитием демократии? Или взять Польшу, имевшую в период так называемой «шляхетской демократии» в XV–XVI вв. немалые политические и культурные достижения. Однако переход демократии за разумные пределы может вести к государственному кризису и упадку. Так случилось в Афинах, где, по словам Иоганна Дройзена (1995: 18), невозможность произвести самонаименьшие ограничения демократической свободы, привела эту опасную форму государственного строя в наиболее опасный фазис ее колебаний²³. Переход в Польше к феодальной республике во главе с выборным монархом также означал постепенный упадок государственности. Безудержная шляхетская вольница, когда для принятия решения требовалось полное единогласие делегатов сейма, привела к параличу государственной машины. Дело дошло до того, что в период долгого правления Августа III в XVIII в. лишь один сейм (1736 г.) благополучно завершил работу, а прочие 13 сеймов были сорваны (Якубский 1993: 81). Результатом государственного разложения, как известно, явились разделы Польши.

Римская цивитас как аристократическая республика в некоторых отношениях существенно отличалась от греческого полиса²⁴. Важно отметить, что она никогда не доходила до такой полноты демократизма, какая была в Афинах. Эта аристократическая составляющая в демократических государствах древности и средневековья делала их и более устойчивой, и более перспективной формой, чем широкая (демосная) демократия. Например, из всех итальянских городских республик только в Венеции была внутренняя стабильность, а само это государство просуществовало «кажется, дольше, чем любой другой город-государство в мировой истории: целое тысячелетие!» (Баткин

1970: 248)²⁵. И объясняется это вполне просто: политическим превосходством патрициата, системой ступенчатых и очень сложных выборов, ограниченностью избирательных прав (Баткин 1970: 248–249). Стабильность и отсутствие личной диктатуры усилили чисто технические и канцелярские аспекты управления в Венеции. Механизм власти работал там на редкость устойчиво, а канцелярия рассматривалась как «сердце государства» (Климанов 1990: 80). Другой пример – Дубровник. Эта крошечная городская республика на берегу Адриатического моря просуществовала весьма долго: с первой половины XV до XIX века, причем в труднейших политических условиях господства турок на Балканах (Мананчикова 2000: 50). Наибольшая реальная власть в Дубровнике была передана сенату, состоящему из выходцев из наиболее знатных семей. «Аристократизм венецианского политического строя был не последним фактором, повлиявшим на аристократизацию дубровницкого Сената» (Мананчикова 2000: 55).

АРГУМЕНТЫ БЕРЕНТА И ШТАЕРМАН И ИХ ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Теперь мы можем рассмотреть доводы, согласно которым в Афинах и Риме не было государства. Для удобства изложения я попытался сформулировать основные аргументы указанных двух авторов. Они даны под порядковыми номерами и выделены отступом и курсивом. При этом не везде был смысл указывать точные страницы их работ, поскольку некоторые мысли повторяются многократно либо приводимая мной формулировка является суммированием их рассуждений на протяжении нескольких страниц. На каждый аргумент я постарался дать достаточно подробные возражения. Несмотря на все мои старания, я, однако, не смог избежать повторов, за что и приношу свои извинения читателю.

1. В полисе нет использования государственного аппарата и мощи государства для эксплуатации рабов, которая была (равно как и контроль над рабами) частным делом (Berent: 229–231)²⁶. «Безгосударственность полиса как раз и означает, что он не был инструментом для присвоения прибавочного продукта, а способы эксплуатации, свойственные ранним аграрным государствам (налоги, принудительный труд и другие повинности. – Л. Г.), не существовали в древнегреческом мире (по крайней мере до эпохи эллинистических империй)» (Berent: 226).

Возражения. Во-первых, в ряде случаев такое использование возможностей государства для эксплуатации и присвоения прибавочного продукта имело место. Например, эксплуатация государственных рабов на Лаврийских серебряных рудниках²⁷, на строительных работах или использование рабов для полицейских целей и в государственном аппарате (писцы, секретари, тюремщики и т. п.), в качестве гребцов и матросов (см.: Машкин 1956: 246; Громаков 1986: 20).

Во-вторых, следует учитывать, что в широких масштабах этого просто не требовалось. Ведь не использовался государственный аппарат для эксплуатации чернокожих рабов в Южных штатах США. Рабовладельцы вполне справлялись с этой задачей сами. Им также не требовалась специальная полиция, чтобы ловить беглых рабов, обычно они делали это сами или нанимали специалистов²⁸.

В вышеприведенном аргументе Берента налицо синдром марксистской идеи, что государство нужно всегда, прежде всего, именно для того, чтобы использовать его мощь против угнетенных классов. На самом же деле для получения прибавочного продукта долгое время было достаточно и старых способов. А потребность в государстве обуславливается самыми разными причинами. Причем едва ли не в большинстве случаев внешней угрозой или иными внешнеполитическими обстоятельствами. Поэтому войны имели столь огромное значение для возникновения ранних государств (см., например: Ambrosino 1995; Carneiro 1970, 1978). «Полисы создавали войну, а война создавала полисы», – говорит Хансен (Hansen 2002: 39).

Следовательно, вывод, который делает Берент: если граждане сами справлялись с эксплуатацией рабов, значит, не было государства, – неправилен. Причинно-следственная связь здесь как раз обратная: если граждане вполне справлялись с эксплуатацией рабов и могли самостоятельно держать их в повиновении, то зачем бы эту функцию стало брать на себя государство? Последнее, если ситуация его устраивает, обычно не будет делать то, что регулируется иными способами. Другое дело, если бы был случай, когда граждане не могли самостоятельно подавить возмущение рабов, а народное собрание или органы управления отказались бы использовать силу государства против рабов. Но такого быть не могло. Напротив, известно, что Афины послали в Спарту в 462 году помощь во главе с Кимоном для подавления восстания илотов в Мессении.

Следовательно, было вполне достаточно и того, что государство в Афинах санкционировало рабство и не мешало хозяевам держать в повиновении рабов и распоряжаться ими. Однако когда возникала необходимость, государство могло и вмешиваться в отношения рабовладельцев и рабов. Например, реформы Солона запретили рабство граждан²⁹. Они также запретили родителям продавать детей в рабство (см.: Кучма 1998: 127). В трудных для государства ситуациях рабам могли давать свободу, а неполноправным и даже рабам – гражданские права. Например, в Риме в 312 г. при цензоре Аппии Клавдии было дано римское гражданство вольноотпущенникам (Бочаров 1936: 195), а во время войны с Ганнибалом определенное число рабов было выкуплено и включено в состав римского войска (Кузищин 1994: 82). В греческих полисах также бывали крупномасштабные освобождения рабов – об этом говорит в том числе и Берент (231; см. также: Машкин 1956: 246).

Относительно прямого присвоения государством прибавочного продукта через налоги можно отметить, что полисные государства достаточно активно использовали этот способ. В частности, в Афинах были и косвенные налоги на граждан (а в особых случаях – и прямые), и прямые налоги на метеков³⁰.

Стоит добавить, что если производственный базис в Афинах был в очень большой степени неаграрным, то неправомерно настаивать на том, как это делает Берент, что способы аккумуляции прибавочного продукта в таком полисе и аграрных обществах были одинаковыми.

2. *«Вряд ли могло существовать государство, совпадавшее с общиной граждан, где не было отделенного от народа аппарата принуждения и подавления», «стоящего над обществом и защищающего интересы одного класса» (Штаерман: 86, 87).*

Возражения. Рассмотрим теперь **вопрос о соотношении классов и государства**. Эта проблема буквально «мучила» многих советских историков, которые время от времени «открывали» в разные эпохи и в разных регионах «доклассовые» государства, а также находили классы в догосударственном обществе. Знаменитые дискуссии по поводу так называемого азиатского способа производства (АСП) также во многом были связаны с этой проблемой (см., например: Качановский 1971; Никифоров 1977; Gellner 1988: гл. 3). В особенно трудном положении тут находились африканисты, поскольку африканские государства основывались на слабых производительных силах и, как правило, образовывались при отсутствии развитой частной собственности на землю (см., например: Кочакова 1968; 1995; Киселев 1981; Годинер 1982; Куббель 1974; Кобищанов 1974).

Поэтому вышеприведенное утверждение Штаерман – это, по сути, только возражение против попыток найти государство, полностью соответствующее истматовской концепции как оторванного от народа аппарата принуждения, действующего в интересах класса эксплуататоров (Штаерман: 77). В этом смысле она, бесспорно, была права (и вполне правомерно ставила проблему), поскольку Римская республика, особенно ранняя, во многом не подходила под ленинское определение государства. Но классов в марксистском понимании не было не только во многих ранних, но, строго говоря, даже и в ряде зрелых государств. Недаром же десятилетиями шли дискуссии о соотношении АСП, рабовладения и феодализма, о «восточном феодализме» и т. п. теоретических конструкциях, важнейшей задачей которых было объяснить существование в восточных государствах антагонистических классов при отсутствии (или недостаточном распространении) частной собственности на землю.

Однако при расширительном толковании понятия общественных классов во многих ранних государствах они вполне просматриваются³¹. При таком подходе патрициев и плебеев в Римской республике можно

рассматривать как общественные классы. Мне даже думается, что эти социальные группы ближе к марксистскому пониманию классов, чем, например, князь и его дружина на Руси. Ведь в первом случае патриции имели привилегии перед плебеями на протяжении сотен лет в главном, по марксизму, – в отношении к земле, к средствам производства. А на Руси главное преимущество князя было в военной силе и статусе, а не во владении землей (но мало кто отрицает наличие Древнерусского государства с конца IX в., а некоторые говорят о Киевском государстве даже в первой половине IX в. [например: Рыбаков 1987: 41–43]). В ранних досолоновых Афинах VII века классовое деление было еще более ярко выражено: земля в руках аристократии, крестьяне беднеют и попадают в долговую зависимость, суд как орган репрессии стоит на стороне землевладельцев и займодавцев, должники обращаются в рабство.

Возвращаясь к Римскому государству, следует также заметить, что оно эксплуатировало плебеев, особенно через военную службу. Поэтому, хотя в ранней Римской республике государство в известной мере и совпадало с общиной граждан (тут Штаерман права), однако население Рима вовсе не совпадало с общиной граждан. Иными словами, политические и экономические права имела только часть жителей. Такая же ситуация была и в Афинах, где всегда было много тысяч рабов, а также неполноправных жителей (метеков), которые платили налоги и привлекались к военной службе (Громаков 1986: 19), но не участвовали в управлении. По подсчетам В. Эренберга, в 360 г. до н. э. в Афинах было 85–120 тыс. граждан (всех возрастов и обоого пола), 25–50 тыс. метеков (также с женщинами, детьми и стариками) и 60–100 тыс. рабов (см.: Кошеленко 1983: 35)³².

Продолжая анализ, можно заметить, что, после того как плебеи добились уравнивания в правах, в Риме быстро развивались уже классы рабов и рабовладельцев. И поздняя Римская республика дает нам превосходные примеры классовой борьбы: восстания рабов в Сицилии, восстание Спартака и беспощадное подавление их именно силой государства.

Таким образом, Афины и Римская республика не только не хуже, но и даже лучше многих других обществ использовали государство для создания и поддержания социального и политического неравенства, экономической эксплуатации, привилегий одних групп перед другими.

3. В Афинах и Риме власть не была отделена от граждан.

Возражения. Во-первых, есть аналоги государства (те же гавайские вождества или галльские политии), в которых власть жестко отделена от населения, но отсутствует государство (см.: Гринин 2006б). Во-вторых, в демократических государствах также налицо отделение власти, только не постоянное, а временное (в виде делегирования вла-

сти). Это отделение власти регулярно санкционируется источником власти, которым при демократии всегда являются избиратели.

Отчуждение власти от населения в политогенезе вообще происходит разными путями. Магистральным оказался способ монополизации власти, когда ее источник (в юридическом смысле слова) оказывается в руках определенной родовой группы, семьи, узкой олигархии. Такая система фактически восторжествовала почти повсеместно³³.

Но и в древних демократических обществах, в том числе и в аничном полисе, несмотря на то, что население влияет на формирование администрации, а то и прямо ее избирает, **налицо отделение власти от народа**, только оно имеет свою специфику. Ведь если в государствах с монополией власти высшая должность в обществе очень крепко соединена с определенными кланом, семьей, слоем, то в демократических государствах именно должность является постоянной, а лица, ее занимающие, могут выполнять свои обязанности и временно. Следовательно, раз в городах были необходимы должностные лица, суд и военачальники, неизбежно **происходит отделение власти от населения**. Только это **отделение именно анонимной власти, власти должности** с определенным балансом прав и обязанностей, но не власти определенного рода, лица, семьи, наместника богов на данной территории.

Таким образом, сама по себе добровольность в делегировании власти в полисе и цивитас отнюдь не свидетельствует о том, что государство отсутствует. В известной мере даже, напротив, здесь власть отделяется как бы в чистом виде, а не в связи с определенными лицами, семьями или кланами. Мало того, в демократиях порой существовали и важные элементы институционального разделения политических и иных аспектов в общих делах. Например, Хансен прямо говорит, что афиняне отделяли политическую сферу от других сфер жизни, более того, многие важные аспекты общества не обсуждались на народных собраниях (Hansen 1989: 20–21, 28). Иными словами, *полис* был государством, а не сплавом государства и общества (там же: 21). В политической сфере афиняне действовали как граждане и отделяли себя от *метеков* и рабов. Если раба или метека находили на политическом собрании, его наказывали, возможно, даже приговаривали к смерти. Напротив, в социальной, экономической и образовательных сферах афинские граждане сливались с иностранцами и рабами. Религиозная сфера была смешанной. Метеки и рабы не допускались не на все, а лишь на некоторые праздники. Важно также помнить, что афинские жрецы никогда не были государственными служащими (там же: 20–21, 41).

Не стоит также забывать, что Аттика делилась на десять *фил*, а каждая фила, в свою очередь, состояла из десяти *демов* (Громаков 1986: 30). Естественно, что местные дела решались на собраниях *фил* и *демов* (Громаков 1986: 30–31; Rhodes 1993).

И хотя должностные лица в Афинах и Риме отличались от привычных нам чиновников, в целом административный характер деятельности государственной машины достаточно очевиден (см. также примеч. 41). Как отмечал Макс Вебер, важным следствием полной или частичной победы незнатных слоев общества для структуры политического союза и его управления в античности явилось установление «**административного** характера политического союза» (Вебер 1994: 392 [выделено мной. – Л. Г.]; относительно Рима см.: Кузищин 1989: 93).

Кроме того, возможность граждан участвовать в политической жизни и формальная возможность получения высших должностей любым гражданином вовсе не означала, что занять их было легко даже способному человеку. Тем более, если эти должности были неоплачиваемыми или их достижение требовало больших расходов. Это особенно характерно для Рима, но и в Афинах высшие должности стратегов не оплачивались, поэтому занимать их могли преимущественно богатые люди, так же как и должности, связанные с управлением финансами. Таким образом, «быть субъектом политического закона не означает участие в правительстве: деление на управляющих и управляемых не совпадает с участием в политической жизни» (Dozhdev 2000: 276).

4. В полисе и цивитас нет специального аппарата принуждения.

Возражения. Во-первых, и в Афинах, и в Риме кое-что из такого аппарата было, те же ликторы в Риме или полиция в Афинах (об этом еще будет сказано несколько дальше). Кроме того, в Афинах и других полисах со второй половины V века усиливается контингент наемных войск, который затем стал ведущим (см.: Маринович 1975). Особую роль в период правления Перикла и после наемники играли в комплектовании афинского флота (см.: Бочаров 1936: 142). Постепенно ополчение настолько пришло в упадок, что никто даже не заботился о своем вооружении (там же: 161). А в Риме в конце V века солдаты стали получать жалованье, а затем казенное вооружение и продовольствие (там же: 195). Далее, как известно, элемент профессионализма в римской армии все возрастал, пока, наконец, в результате реформ Гая Мария в конце II в. до н. э. она не стала полностью наемной.

Во-вторых, в отношении рабов, как уже сказано, такого аппарата и не требовалось. Когда же это было необходимо, как во время восстаний рабов во II–I вв. до н. э. в Риме, армия прекрасно выполняла такую роль.

В-третьих, определенные органы принуждения имелись и для граждан. Это суды. Судебная власть может выступать как часть административного аппарата, а судебные функции могут быть частью административных, когда, например, наместник в провинции или сеньор в сеньории сосредотачивал в своих руках все полномочия. Но суд может выступать и как самостоятельный репрессивный орган. В монархиях власть обычно стремилась поставить суды под свой контроль. В полисе и цивитас они были более самостоятельными.

Суды в Афинах и Риме вполне можно считать органами принуждения, поскольку они давали санкцию на применение насилия, хотя нередко и оставляли непосредственное исполнение решения в руках заинтересованной стороны. Но и таких функций суда было вполне достаточно. Во всяком случае, и в Афинах, и в Риме судебных тяжб было много и их число возрастало, их боялись, равно как боялись игнорировать судебные заседания, поскольку это могло повлечь неблагоприятные последствия (см.: Кучма 1998: 131, 216). Что касается уголовного преследования, то, разумеется, в Афинах не было прокуратуры или следственных органов, но в важных случаях, например при совершении святотатства, когда происходило осквернение общества убийством со злым умыслом или непредумышленного, полис имел санкции действовать. С обычными преступниками, если их ловили в процессе совершения преступления, имели дело и без промедления наказывали ответственные власти (см.: ван дер Влит 2006). Также были и должностные лица для контроля над преступниками. В частности, Аристотель упоминает сторожей при заключенных в тюрьмах (Афинская полития 24.3).

5. В полисе нет правительства, нет профессиональных бюрократов и специалистов (Berent). В цивитас аппарат исполнительной власти был ничтожно мал (Штаерман: 88).

Возражения. Пожалуй, наиболее важным аргументом, которым хотят доказать отсутствие государства в Афинах и Риме, является ссылка на слабость их аппарата управления и насилия и в целом исполнительной власти, малое число профессиональных чиновников, непрерывную сменяемость должностных лиц. Однако при внимательном рассмотрении проблемы и этот аргумент не работает.

Действительно, бюрократов в полисе и цивитас было мало (об Афинах см., например: Finley 1977: 75), впрочем, как и в любом небюрократическом государстве. Однако специалисты-политики там были. Финли утверждает, что они были «структурным элементом афинской политической системы» (Finley 1985: 69). Причем это были специалисты высокого класса, деятельность которых являлась образцом для подражания на протяжении столетий, а также базой для создания новой науки о политике. Ведь сам принцип устройства полиса предполагал наряду с народным собранием наличие группы лидеров, осуществлявших непосредственное ведение внутриволисных дел (Яйленко 1983: 180).

Были также и должностные лица, порой даже в очень значительном количестве. Эти «функционеры полиса» (Вебер 1994: 393) вполне удовлетворительно обеспечивали деятельность государственной машины, хотя система их оплаты (или отсутствие таковой) и назначения (иногда по жребию), а также короткие сроки пребывания на должности не делали этих служащих особым социальным слоем.

Таким образом, можно сказать: **и в полисе, и в цивитас государственный аппарат был, хотя и особого рода.** И этот аппарат вполне отвечал уровню развития раннего государства и обеспечивал конкуренцию данных государств на внешней арене. То, что эволюционные возможности такой политической организации оказались слабыми, не означает, что она не была государственной. Эволюционно непреходимым оказалось большинство типов раннего государства и систем его управления.

Возьмем, к примеру, Спарту. Этот тип государства, равно как и его управленческая система, оказался эволюционно неперспективным в еще большей степени, чем полисный тип. В то же время даже сторонники идеи о полисе как о безгосударственном обществе, не решаются отказать ей в государственном статусе³⁴. Ибо здесь было почти все, что требуется для государства: привилегированное вооруженное неработающее меньшинство и эксплуатируемое бесправное безоружное большинство; постоянное войско, которое с V в. включало в себя и наемников (см.: Маринович 1975: 18–23); систематическое и жесткое насилие и прямые репрессии против угнетенных; идеология подчинения начальнику; жесткий контроль за военачальниками и послами; регламентация жизни граждан, вплоть до покроя одежды и формы бороды и усов (см.: Андреев 1983: 204–205; Строгоцкий 1979: 45).

Но, с другой стороны, в Спарте мы не видим важных вещей, которые характерны для многих ранних государств, включая полис и цивитас. В частности, здесь долгое время не было имущественного расслоения между гражданами, а также существовал прямой запрет нормальных денег, торговли, ремесла.

Сказанное еще раз подчеркивает важный момент: фигурально говоря, **раннее государство – неполное государство. В каждой такой политике нет некоторых моментов, которые затем появляются в развитии государства. При этом в каждом случае набор черт и признаков (равно как и отсутствие каких-либо из них) является оригинальным или даже уникальным** (см. об этом также: Гринин 2006в).

И это также относится к вопросу о наличии привычного правительства в полисе. Роль правительства, то есть исполнительной власти, в Афинах выполняли Совет пятисот и коллегия 10 стратегов. Правда, афиняне стремились к разделению полномочий, и поэтому исполнительная власть у них была существенно слабее, чем в монархиях или даже в Риме. Однако это не доказывает отсутствие государства в Афинах. Во многих ранних государствах или не имелось полного набора ветвей власти, или какие-то из них были развиты сильнее, а какие-то слабее. В ранних монархических государствах законодательная и даже судебная власти далеко не всегда существовали в качестве отдельных ветвей, чаще исполнительная власть включала в себя и ту и другую. А нередко существовала просто разная юрисдикция, например, царь су-

дил «царских» людей, а сельская или городская община – собственных членов. Похоже, так было в Древней Месопотамии (см., например: Якобсон 1984: 95). При этом механизмы вынесения и реализации санкций были разные.

И если эволюционно восторжествовал вариант, когда государственная организация формируется из профессиональных чиновников, а среди ветвей власти главной становится исполнительная, это не значит, что не было и иных вариантов. Полис как раз и являет один из них³⁵. Поскольку он являлся демократическим государством, естественно, что там законодательная и судебная власти были развиты сильнее. Поэтому гражданская исполнительная власть могла быть слабой³⁶. Мы еще вернемся к подробному рассмотрению государственного аппарата в Афинах и Риме.

Для определения наличия раннего государства в том или ином обществе главное – установить, что существует политическая и управленческая организация, основанная на новых, то есть иных, чем в догосударственных обществах, принципах.

Но эти новые принципы управления не обязательно были связаны именно с профессиональным чиновничеством. Легко провести аналогию. Сегодня суд может состоять только из профессиональных юристов, а может – из присяжных заседателей, то есть из непрофессионалов, состав которых постоянно меняется, а деятельность специально не оплачивается. Однако никто не скажет, что истинным судом можно назвать только первый.

б. В полисе экономическое бремя было возложено на богатых, а не на бедных (Verent). О государстве можно говорить только в случае, если «поборы и повинности становятся принудительными и строго распространяются на определенную часть общества (крестьян, ремесленников) (Штаерман: 93).

Возражения. Как известно, в Афинах и других полисах граждане не платили прямых налогов, кроме чрезвычайных (только таможенные пошлины, торговые сборы и т. п.). Но были так называемые *литургии*, то есть обязанность богатых членов полиса платить за какие-то общие дела, обычно празднества или военные нужды, или на свои средства что-либо делать: чинить и строить корабли, ремонтировать что-либо и т. п. Однако метеки и вольноотпущенники платили именно прямые налоги, в том числе и чрезвычайные, а также привлекались к некоторым литургиям наряду с гражданами (Машкин 1956: 263, 264; Громаков 1986: 19).

В любом случае то, что экономические повинности в Афинах в основном несли богатые, думается, не может являться серьезным аргументом против наличия здесь государства. Иначе нам придется отрицать наличие государств во многих современных странах, где основные налоги прямо или косвенно платят именно богатые граждане. То, что полис поддерживал в определенных смыслах большинство

населения, то есть демос, действительно, нехарактерно для древних государств, но в целом не является исключением для государства как такового. Разве современные государства не обеспечивают многие преимущества именно для большинства населения, современного демоса? Разве не сетуют сегодня состоятельные налогоплательщики на то, что государство слишком щедро раздает социальные пособия и прочую помощь за их счет? Такова особенность широкой демократии.

Кстати сказать, и в тираниях тираны часто стремились переложить налоговое бремя именно на богатую часть населения, а тирании Берент (Berent: 232) рассматривает как политии, по типу приближающиеся к государству (см. также: van der Vliet 1987).

Сказанное касается и Рима. Если более знатные или более богатые люди больше платили за аренду общественных земель, то ведь они и пользовались ими больше. И это была их привилегия. Если они несли затраты на выборы и исполнение общественных должностей, то ведь они и добивались этих должностей всеми способами. Но стоит отметить, что с некоторого времени Рим (а Афины в период существования морского союза) получал основные доходы с покоренных земель. А это черта многих государств.

Афины и Римская республика также являются хорошим примером использования государственной организации в политической и социальной борьбе между богатыми и бедными. Однако результаты такого рода противостояний и конфликтов не предопределены. Иными словами, полагать, что всегда должны побеждать богатые, неправомерно. Даже в крупных империях известны победоносные восстания крестьян и рабов, а в XX веке – революции, в результате которых к власти приходили социально угнетенные классы. В полисах и цивитас же в борьбе между группами граждан исход зависел от очень многих обстоятельств. Естественно, что та часть граждан, которая побеждала, начинала использовать государство для изменения своего положения и закрепления результатов победы. Как пишет К. Каутский, «классовая борьба делается здесь (в государствах Греции. – Л. Г.) жизненным элементом существования государства. Участие в такой борьбе не только было далеко от того, чтобы считаться предосудительным, а наоборот, оно превратилось в выполнение гражданского долга. В Афинах со времени Солона был в силе закон, согласно которому каждый, кто при взрыве внутренней борьбы не примыкал ни к какой партии и не защищал ее с оружием в руках, лишался своих гражданских прав» (Каутский 1931: 334–335. См. также: Аристотель. Афинская полития. 8.5). Такая ситуация гражданского противостояния называлась у греков *стасис* (см. о нем подробнее: ван дер Влит 2006).

И хотя эволюционно стали преобладать государства, в которых политическое господство правящих групп сочеталось с их экономическим превосходством, однако стопроцентной связи здесь нет. Напри-

мер, в современных обществах путем выборов одна часть населения может принудить другую согласиться со своими требованиями. Поэтому нет никаких оснований рассматривать государство как организацию, в которой **постоянно** доминирует одна часть общества. Государство правильнее рассматривать как организацию, с помощью которой одна часть населения может постоянно или **временно** принуждать другую соглашаться со своими желаниями либо обе части общества достигают компромисса. При таком подходе ничего удивительного в том, что в Афинах политически заправлял демос, нет.

7. В полисе право на использование насилия не монополизировалось правительством или правящим классом, и возможность использовать силу более или менее равномерно распределена среди вооруженного или потенциально вооруженного населения» (Berent: 225). В Риме «принуждение приходилось применять лишь спорадически», а «во время смут дело решалось уличными потасовками без вмешательства пражительственных органов» (Штаерман: 87, 88).

Возражения. Монополии на насилие нет не только во многих ранних³⁷, но и в зрелых государствах³⁸. Следовательно, она не может являться отличительным признаком ни раннего, ни вообще государства. Как справедливо отмечает Эрнст Геллнер, этот принцип Макса Вебера явно берет за образец централизованное государство западного типа, поскольку существуют государства, которые либо не желают, либо не могут обеспечить соблюдение такой монополии (Геллнер 1991: 28–29), либо, добавим, не считают это необходимым и не стремятся к этому.

Но в целом имела замечательная тенденция, что именно государство сосредотачивало в своих руках право на **признание виновности или невиновности, на то, чтобы применение насилия со стороны частных лиц было санкционировано им, а не было чистым произволом** (например, к рабу, к должнику и т. д.). Таким образом, для раннего государства, как мне кажется, характерна не столько монополия на применение силы, сколько **концентрация** законного применения силы (см. подробнее: Гринин 2001–2005; 2006а)³⁹. Это могло выражаться в монополии на **отдельные виды** применения законного насилия (например в отправлении судебных приговоров) либо в монополии на **санкцию** со стороны власти на применение насилия, хотя бы сам приговор осуществлялся заинтересованной стороной, либо в **запрете отдельных видов** насилия (например в отношении кровной мести) и т. д.

Определенная (и весьма немалая) концентрация легитимного принуждения и насилия имела место в Афинах и других полисах, равно как и в Риме. Здесь власть в первую очередь стремилась контролировать выдачу санкции на насилие. И если заинтересованные стороны или активисты были способны сами доставить обвиняемых в суд, значит, специального государственного аппарата для этого не требова-

лось. В данном случае важнее не то, что граждане имели вооружение и чаще всего сами арестовывали обвиняемых или преступников для передачи их суду, но что **орган, который выносил решение о виновности или невиновности – суд, а также исполнение приговоров о казни были в руках государства.**

Таким образом, для раннего государства наличие развитого аппарата насилия не является стопроцентно обязательным. Разумеется, по мере развития государственности именно сочетание движения, с одной стороны, к монополизации права на насилие, с другой – на формирование специальных органов насилия, проявляет себя в качестве эволюционно ведущего и становится наиболее распространенным.

Что же касается решения спорных вопросов между группами граждан путем «уличных потасовок», то это не являлось особенностью только Римской республики, а бывало и в иных государствах. В том же Новгороде боярские партии враждовали между собой, а вече порой кончалось схватками спорщиков (см.: СИЭ 1967: 268; Фроянов, Дворниченко 1986: 235, 238), но это не аргумент, чтобы объявить Новгород безгосударственным обществом.

8. В полисе властные действия зависят от соотношения сил разных социальных групп и группировок граждан. В то же время в аграрных государствах основное большинство отстранено от власти и основные политические действия протекают между частями элиты (Berent).

Возражения. Здесь надо вновь учесть, что полис – демократическое государство. А любая демократия, тем более демократия, иметь в которой политические права почетно, всегда связана с силой электората.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к проблеме: **обязательно ли раннее государство должно быть инструментом диктатуры только небольшого социального (классового) меньшинства или могут быть другие варианты.** Я полагаю, что хотя первый случай был более распространенным и эволюционно магистральным, но могло быть и по-другому.

Однако стоит подчеркнуть, что даже в развитых государствах Востока государство весьма часто выступало как самостоятельная надклассовая, надсословная сила. Как справедливо замечает Л. Б. Алаев: «Государство-класс, или государство как аппарат, оказывалось не выразителем интересов класса феодалов (рентополучателей в целом), а, напротив, структурой, надстроенной над основными классами» (Алаев 1995: 623). Поэтому при удаче (восстании или перевороте) у руля государственной машины оказывались люди самых низших званий вместе со своими сподвижниками⁴⁰. Иными словами, в известном смысле государство можно рассматривать как машину, команда «управляющих» которой время от времени сменяется. Такая ротация происходит как в демократических, так и в монархических обществах. Только в

последних такая замена происходила нерегулярно и случайно, а в первых – регулярно и намеренно. Таким образом, по справедливому замечанию Роберта Михельса (2000 [1925]: 107), монархический и демократический принципы построения государственной власти в жизни обществ не находятся в антитезе, а оказываются достаточно эластичными и нередко сочетаются.

Бесспорно, в монархических государствах в большинстве случаев *«основные политические действия протекают между частями элиты»*. Но, заметим, чем деспотичнее государство, тем меньшую роль играют части элиты. И основные интриги порой переносятся просто во дворец или гарем повелителя. Таким образом, здесь уже и элита в основном отстраняется от влияния на принятие решений. Нередко также в бюрократических государствах происходила перетасовка кадрового состава, и тысячи чиновников лишались мест и власти.

С другой стороны, когда власть находилась в более трудном положении, очень часто решения принимались именно на основе *«соотношения сил разных социальных групп»* и их пожеланий.

В полисе многое зависело от соотношения сил разных социальных групп и группировок граждан. Сам вектор его социальной политики определялся тем, в чьих руках было обладание государственной властью в тот или иной момент. Но такая система весьма характерна и для некоторых средневековых государств, например, итальянских городских республик. А разве мало было поворотов социальной и экономической политики в XX веке в связи с политической победой на выборах определенной партии? Разве не так установился нацизм в Германии? (См.: Корчагина 1996: 125–128.) Не так ли было в Чили в 1970 году, когда к власти пришли социалисты и коммунисты во главе с Сальвадором Альенде? (См.: Строганов 1995.) В современных обществах государство воспринимается, скорее, как арена борьбы конкурирующих групп за обладание большей властью, чем как инструмент коллективного господства правящего класса (Stuart-Fox 2002: 136).

Таким образом, в полисе и в какой-то мере в Римской республике – если не брать во внимание отсечения рабов и неполноправных от участия в общественной жизни – **государство выступало как бы в чистом виде именно как особая машина, особый инструмент для реализации целей тех или иных групп, которые временно становились ее хозяевами**. В то время как в большинстве случаев государство являлось вотчиной определенных семей монархов, имеющих на это особые сакральные права. Такая система, идеологически неприемлемая для нас, в то же время была эволюционно гораздо более устойчивой и потому прогрессивной, чем система (демократия в полисе), идеологически более близкая нам.

Но вновь повторю: *нельзя считать эволюционно выкристаллизовавшийся тип государства единственным типом государства вообще*⁴¹.

ПРИЗНАКИ, ОТЛИЧАЮЩИЕ РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО ОТ АНАЛОГОВ, В ПРИМЕНЕНИИ К ПОЛИСУ И CIVITAS

Напомню, что я выделял четыре таких признака:

- особые свойства верховной власти;
- новые принципы управления;
- новые и нетрадиционные формы регулирования жизни общества;
- редистрибуция власти.

(Подробнее см.: Гринин 2006б.)

1. Особые свойства верховной власти

Как бы ни трактовать политическую систему Афин и Рима, но, бесспорно, верховная власть в них демонстрирует и достаточную силу, и полноту функций, и способность к переменам. Последних подчас было даже слишком много, и они случались слишком часто, что порой делало власть, например, в Афинах недостаточно устойчивой.

Но роль верховной власти различна для крупных и мелких государств. Для небольших государств, каковыми были Афины, верховная власть, как я уже говорил, – это нечто географически не совсем точное⁴². Но в плане верховности прав сила этой власти в Афинах вполне очевидна. Налицо высший источник власти – народное собрание (*эκκλeσιa*) – и органы, которым он делегирует власть. Это сочетается с четким порядком и специальной процедурой принятия, прохождения, утверждения и отмены решений, а также проверки их исполнения. Стоит отметить, что структура власти и система разделения властей время от времени усложняется.

В больших государствах роль верховной власти самоочевидна. Центр империи – это крупнейший узел власти, влияющий, так или иначе, на всю периферию. Именно таким узлом и стал постепенно Рим. Оттуда исходили приказы и посылались наместники в провинции, выходили колонисты в зависимые земли, туда приходили победоносные войска с добычей, везли зерно и другие продукты из подчиненных территорий.

Особые свойства верховной власти не означают, что верховная власть поступает всегда разумно, дальновидно, в интересах общества и т. п. Главное, что она может навязывать свою волю, менять важные отношения в обществе, мобилизовывать его силы для решения важнейших задач, вводить или отменять налоги и т. п. Такие свойства верховной власти налицо в Афинах и Риме. От кого исходит такая воля (от монарха, аристократии, народного собрания, сената и т. п.), зависит от устройства государства. Но важно, что: а) это воля не ста процентов общества; б) решения или требования, высказанные этой волей, являются наиболее легитимными; в) для изменения уже имеющих положений нужно решение этой же верховной власти и особая

процедура; г) неподчинение этой воле и тем более отрицание ее прав является тягчайшим проступком и жестоко наказывается⁴³.

И в Афинах, и в Риме мы видим, что верховная власть оказывается способной вести активную внешнюю политику и затяжные войны, мобилизовывать ресурсы, вводить новые налоги или отменять их, коренным образом менять политический режим и территориальное устройство, расширять или сужать гражданские права (первое – в Риме, второе – в Афинах), менять имущественные отношения⁴⁴ и многое другое. Она может быть весьма суровой по отношению к своим гражданам: отправлять их в изгнание без вины (*остракизм* в Афинах), предавать суду, конфисковывать имущество. В этом отношении верховная власть в Афинах и Риме соотносится с задачами, которые ряд исследователей рассматривает как обязательные для правительства государства, а именно иметь достаточно власти, чтобы: 1) призывать людей на войну и работу; 2) облагать налогами и собирать их; 3) издавать законы и добиваться их исполнения; 4) контролировать информационные потоки (Carneiro 2000: 186; см. также: Wright 1977; Marcus, Feinman 1998: 4–5).

2. Новые принципы управления

2.1. Новые явления в формировании аппарата управления

Как уже сказано, не все ранние государства были бюрократическими. Иные таковыми не были вовсе просто из-за своих малых размеров (как англосаксонские государства в VII–VIII веках [см., например: Blair 1966: 240–241]) или их бюрократизация была относительно слабой, особенно на завоеванной территории, например в таких государствах, как ацтекское (Johnson, Earle 2000: 306). Не относить такие политии к ранним государствам я не считаю правильным. Поэтому я стремился описать новые принципы управления возможно более универсально, чтобы они в полной мере относились как к бюрократическим, так и небюрократическим государствам.

Напомню, что в числе новых принципов управления я указывал на **новые подходы к формированию аппарата управления (и/или армии)**. Другими словами, чтобы утверждать, что перед нами раннее государство, а не его аналог, нужно доказать, что произошли существенные изменения в методах подбора людей для управления и военной службы, увеличилось значение новых типов управленцев и воинов. Но эти изменения в управлении далеко не везде связаны с наличием в аппарате профессиональных чиновников, существованием полиции, постоянного войска и т. п. Вместо этих институтов во многих случаях имелись иные.

В Афинах и Риме, например, было много должностных лиц, но мало чиновников. Но хотя аппарат управления и насилия в Афинах и Риме не был столь же мощным, как в бюрократических странах, он был и немалым, особенно в Афинах. Главное отличие Афин и Рима от бюрократических государств не столько в отсутствии или малочис-

ленности аппарата управления и насилия, сколько в способах его комплектования и смены⁴⁵.

Но, с другой стороны, – и это крайне важно – та форма управления, которая сложилась в полисе и цивитас, существенно отличается от догосударственных и аналоговых форм и должна быть признана раннегосударственной. Давайте рассмотрим это подробнее.

В Афинах, где в IV веке до н. э. жило всего 200 тыс. человек вместе с рабами и метеками, непосредственно в управлении одновременно были задействованы (путем выборов или жребия) многие сотни граждан. А если добавить к ним тех, что заседали по очереди (как в Совете пятисот, где из 500 человек постоянно работало только по 50 в течение 1/10 части года), то число должностных лиц перевалит далеко за тысячу. Существовали и технические служащие, например секретари и канцеляристы в Совете пятисот. Кроме того, много должностных лиц действовало за пределами Афин (по делам морского союза и дипломатическим)⁴⁶. Существовал и судебный орган (*гелиэя*), который состоял из 6 тыс. (!) присяжных судей. Только представьте, что в одном административном районе крупного города будет 6 тыс. судей!

Одним из важнейших нововведений афинского управления было то, что абсолютное большинство служащих и судьи получали жалование. Благодаря этому могла кормиться очень большая часть граждан. По словам Аристотеля, содержание из казны давалось более 20 тыс. человек. Помимо указанных выше должностных лиц, это были «тысяча шестьсот стрелков, кроме того, тысяча двести всадников... Когда же впоследствии начали войну, помимо этих, было еще две тысячи пятьсот гоплитов, двадцать сторожевых кораблей, еще корабли для перевозки гарнизонных солдат в числе двух тысяч... затем сторожа при заключенных в тюрьмах» (Афинская полиция 24.3). Кроме того, за посещения народных собраний и других общественных мероприятий граждане стали с некоторых пор получать плату.

Известны примеры догосударственных и аналоговых политий, в которых должностные лица выбирались голосованием или по жребию. Среди них были и такие, где должностные лица, в частности судьи, получали какое-то вознаграждение (например в Исландии). Однако я не знаю примеров негосударственных политий, в которых бы общественные должности столь широко использовались для поддержания благосостояния их членов (зато напрашивается аналогия с социалистическими государствами, где все были государственными рабочими или служащими). По подсчетам Виппера, в период правления Перикла на это уходило около 150 талантов, то есть 3/8 местного (собственного афинского) бюджета, или 1/7 с учетом взносов союзников (Виппер 1995: 215).

То, что Афинская полиция кормила своих граждан за счет сборов с союзников, государственной собственности и налогов на метеков, лишний раз подтверждает мысль о том, что это была организация,

действующая в интересах не всех жителей, а только их части, и стремящаяся при любом удобном случае эксплуатировать другие полиции, то есть государство.

Существовал и репрессивный аппарат. Посмотрим, например, на афинскую полицию, которая составлялась из рабов и метеков, поскольку занятие полицейской деятельностью считалось унижительным и позорным для свободного человека⁴⁷. Общая численность полицейских подразделений «достигала первоначально 300, а впоследствии 1200 человек. И включала в себя конных и пеших лучников (*токсотов*). Полиция не только боролась с уголовными преступниками, но и следила за тайными собраниями граждан, собирала факты об их безнравственном поведении и праздности. Кроме того, в обязанности полиции входило наблюдение за санитарным и противопожарным состоянием города, за правилами рыночной торговли, за сохранением памятников старины и достопримечательностей ландшафта. Полицейская стража, составленная из государственных рабов, охраняла порядок в народных собраниях, в судебных учреждениях, в общественных местах» (Кучма 1998: 121–122). Хотя, конечно, это не была полиция в современном смысле слова (Hansen 1991: 124).

Таким образом, в Афинах налицо новые принципы управления. И хотя среди служащих было не так много профессионалов, но по крайней мере высшие посты (в частности должности стратегов) обычно занимали именно профессионалы. Профессионалы же обеспечивали преемственность управления в различных органах в качестве технического персонала. Стоит напомнить еще раз, что армия постепенно стала полностью профессиональной.

Не такое уж малое число должностных лиц было и в Риме (хотя в целом существенно меньше, чем в Афинах). Причем оно также постоянно росло. А иерархическая структура магистратур становилась все более стройной и четкой. В ряде италийских общин действовали особые римские должностные лица – *префекты*.

В отличие от Афин в Риме должности не оплачивались. Но зато исполнительная власть была сильнее, чем в Афинах. Объем полномочий консулов всегда был значительным, а в военной обстановке их власть вообще была неограниченной, включая право вынесения смертных приговоров, которые не подлежали обжалованию (за чертой Рима). Вообще диктаторскими полномочиями, то есть всей полнотой военной, административной, полицейской и фискальной власти, обладал правитель провинции – *проконсул или пропретор*.

Кроме того, следует заметить, что безвозмездность магистратур в Риме сочеталась с тем, что все должностные лица в Риме имели в своем распоряжении положенное им по штату определенное число низших служащих (*apparitores*), расходы по содержанию которых несла

государственная казна. Когда происходила смена магистрата, весь этот штат переходил в распоряжение нового руководителя. Главную роль среди низших служащих играли *ликторы*, выполнявшие функции охраны и почетного сопровождения. Они могли по приказу высшего должностного лица задержать правонарушителей и наказать их. (Так что утверждение о полном отсутствии профессионального аппарата принуждения лишено оснований.) Количество ликторов в зависимости от ранга магистрата колебалось от 6 до 24. Кроме ликторов, магистрату придавались посыльные, глашатаи, секретари, делопроизводители, счетоводы и другие. А для дел, унижительных для свободных, – государственные рабы (Кучма 1998: 165–166).

Стоит добавить, что хотя срок полномочий римских магистратов был ограничен (обычно годом) и одному человеку запрещалось несколько раз подряд занимать некоторые высшие должности, однако это правило не соблюдалось строго. Теодор Моммзен даже пишет, что фактически не соблюдалось (Моммзен 1993: 41). Кроме того, сенат имел право (и широко им пользовался) продлевать полномочия должностных лиц и после истечения срока их службы (правда, не в самом городе Рима). Главное же, что с IV века до н. э. было постановлено, что «в состав сената обязательно входят по окончании срока службы все те, кто раньше исполнял обязанности консула, цензора, претора или курульного эдила» (Моммзен 1993: 42). А поскольку звание сенатора было пожизненным и поскольку именно из бывших магистратов в основном и назначались проконсулы и пропреторы в провинции, то человек, избранный на одну из высших магистратур вроде бы всего на один год, фактически попадал уже в слой управителей на всю жизнь. Закон Виллия о порядке прохождения магистратур 180 г. до н. э. усилил роль сената в выдвижении кандидатур на должности (см.: Кузицин 1994: 92).

Следовательно, вполне можно говорить об определенном слое профессиональных управленцев в Риме, причем во многих семьях это являлось традицией. Постепенно этот слой сумел использовать свое должностное положение и для приобретения материальных выгод (см. об этом: Виппер 1995: 287–292; Утченко 1965: 125).

О движении римской армии к тому, чтобы стать постоянной и профессиональной, мы уже говорили.

2.2. Другие изменения

Следует отметить и такой новый момент, широко распространенный в полисах и цивитас: **отчетность должностных лиц, контроль за их деятельностью.** Так, в Риме каждые четыре года сенаторы утверждались в должности вновь на основании решения специальных должностных лиц (см. о таком контроле в Римской республике: Виппер 1995: 287–291; Моммзен 1993: 42; в Афинах – ван дер Влит 2006).

В Афинах и Риме также легко увидеть развитие и рост значимости других новых принципов управления:

- делегирования власти;
- нового разделения управленческих функций (отделение исполнения от решений);
- иных.

Это особенно выразилось в развитии (иногда даже сверхразвитии) процедуры. Следует заметить, что **усложнение управления неизбежно ведет к определенной формализации и усложнению процедурной стороны принятия, исполнения и проверки решений, а также и вообще управления.** Но при этом в городах-государствах такая формализация приобретает порой бóльшую значимость и сложность, чем даже в классических государствах.

Высокая степень развития процедурной стороны характерна для полиса и цивитас. В частности, в Афинах все решения народных собраний записывались и сдавались в архив. В течение года любой гражданин мог опротестовать как «противозаконное» это решение путем подачи специальной жалобы (Федоров, Лисневский 1994: 120). Имелись некоторые правила выступления ораторов, за нарушение которых председатель собрания мог оштрафовать оратора. Стоит указать на отчетность (и не только финансовую) должностных лиц, в том числе каждого члена Совета пятисот, а также на обязательную проверку лиц, вступавших в должность (Кучма 1998: 119, 120). Совет пятисот также имел специальные архивы.

В Риме в некоторых отношениях существовала еще более сложная процедура. Ведь если в Афинах большинство должностей определялось жребием, то в Риме занятие должностей всегда было связано с конкуренцией на выборах. Поэтому здесь существовала особая система допуска кандидатов к выборам и ряд специальных законов, запрещавших недобросовестные методы предвыборной борьбы. Санкцией за такие нарушения было десятилетнее изгнание. Большинство должностных лиц так же, как в Афинах, по сложению полномочий отчитывались и при обнаружении злоупотреблений могли понести наказание (Кучма 1998: 157–159)⁴⁸.

В Риме постепенно установилась строгая иерархия магистратских должностей, что сближало его административную систему с бюрократическими государствами.

Никаких особых прав на должность (традиционных, родственных и иных, как бывало в других обществах) у должностных лиц в Афинах и Риме не было. Это право возникало только вследствие делегирования полномочий от источника власти. В этом была, конечно, и слабость строя, но и его сила. Не поэтому ли в том числе **в истории Афин и республиканского Рима практически нет случаев сепаратизма?**

Стоит отметить, что развитие процедурной стороны в бюрократических ранних государствах обычно заключалось в совершенствовании системы (формы) передачи приказов по иерархической лестнице служащих, а также порядка проверки и отчетности. Гораздо реже, скажем, регулируется порядок наследования трона, занятия высших должностей в государстве, объем полномочий чиновников и т. п. Это связано, вероятно, с тем, что право на трон и высшую власть в монархиях основывалось не на юридических коллизиях, а на сакрализации правителя или праве сильного. А также и с тем, что в монархиях исполнительная власть не хотела каких-то ограничений в своей деятельности (соответственно и государственно-правовая мысль не работала в этом направлении).

В демократических государствах, напротив, граждане всегда были озабочены проблемой, как бы не оказаться в подчинении у исполнительной власти. Поэтому они стремились обезопасить себя. Иногда это приобретало черты чрезмерной сложности. Например, в Венеции в 1268 году правителя (*дожа*) избирали так. Большой совет выделил из своего состава 30 человек, те выделили девятых, которые избрали 40 электоров из членов Совета и вне его. Затем 40 выделили 12, те избрали 45, снова выделили 11 и, наконец, 11 определили 41 человека, которым предстояло назвать имя дожа (Баткин 1970: 249).

3. Нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества

В полисе и цивитас можно выделить следующие новые и нетрадиционные формы регулирования жизни:

- все большее регулирование жизни путем деятельности народного собрания, сената, должностных лиц, в том числе рост значения принуждения и запретов для населения, исходящих от должностных лиц;

- увеличение значения суда;

- довольно частые реформы;

- постоянные изменения в законах. Достаточно сказать, что в Афинах была так называемая коллегия *архонтов* из 9 человек. Важнейшей обязанностью шести из них были ежегодные доклады народному собранию о противоречиях и пробелах в действующем праве с предложениями по их устранению (Кучма 1998: 120). В Риме стоит отметить огромную роль нормотворчества преторов, создающих, по сути, новый тип права (см.: Косарев 1986: 21, 44–47);

- рост значения принуждения и контроля за исполнением, в том числе установление контроля за деятельностью должностных лиц (отчетность, проверки и т. п.);

- контроль за лояльностью населения через доносы (*доносчики-сикофанты* в Афинах);

- широкое привлечение граждан к государственной деятельности.

Все это вело к постепенному изменению различных сторон жизни общества, включая контроль за семейными отношениями, ярким при-

мером вмешательства в них являются, в частности, законы Солона. Кроме того, идет процесс замены традиций политической волей, то есть решениями собраний, новыми законами и новыми органами. Соответственно наблюдается и рост рационального момента в реформировании общества вопреки традициям и прочей косности. Одним из показателей этого является «сознательное избрание народом социальных посредников для форсированного упорядочения гражданских дел» (Фролов 1986: 67).

В новом, государственном, полисе меняется и сам характер политической жизни, и средства ее регулирования. Если в гомеровском полисе, по словам Андреева, шла борьба всех против всех (Андреев 1976: 104 и след.), если на первом месте была борьба знатных родов между собой (Кошеленко 1987: 45), то в демократическом государстве на первое место выходит уже борьба социальных и политических, а не родовых групп. И это также было новым явлением. А способами, регулирующими силу лидеров и политических групп, а также возможность обеспечения компромисса и ротации должностных лиц, начинают становиться новые законы, органы и процедурные правила.

Важно отметить, что, по мнению некоторых исследователей, в гомеровском полисе «почти отсутствовало “правовое начало”, ограждавшее личность и имущество» (Кошеленко 1987: 45). Следовательно, рождение государства в этом плане и означало усиление «правового начала» как нового средства регулирования жизни. Ведущим же механизмом в реализации этого нового средства был суд.

«Государство – это специализированная и концентрированная сила поддержания порядка. Государство – это институт или ряд институтов, основная задача которых (независимо от всех прочих задач) – охрана порядка. Государство существует там, где специализированные органы поддержания порядка, как например **полиция и суд**, отделились от остальных сфер общественной жизни. **Они и есть государство**» (Геллнер 1991: 28) (выделено мной. – Л. Г.). Я, правда, считаю, что возникновение раннего государства, особенно в обществах типа полисов, в первую очередь, связано с необходимостью обеспечить суверенитет, внешнюю безопасность или экспансию (Гринин 2001–2005; 2006а). Однако и мысль Геллнера имеет серьезный смысл, поскольку чем дольше развивается государство, тем важнее становятся его внутренние функции (см. также: Гринин 2006б).

И как раз в этом плане античные общества дают хороший пример, подтверждающий, что перед нами именно государства. Если полиция и не была достаточно важным органом, то суд здесь достиг высокой степени развития и значимости. Суд выступал как важнейший орган поддержания внутреннего порядка и регулирования общественной жизни. Иначе бы что стали делать в Афинах шесть тысяч судей? И 300 заседаний суда в год для полиса с 200-тысячным населением –

это большая цифра (см., например: Кошеленко 1987: 69). Все это не случайно, поскольку в обществах, где товарообменные (денежные) отношения развиты, суд играет гораздо большую роль, чем в иных. Не случайно также здесь был специальный торговый суд и, скорее всего, и особое торговое законодательство (Машкин 1956: 262). Но суд подерживал не только экономический порядок. В классический и более поздний период истории Афин суд охранял и сам демократический строй, поскольку любой гражданин мог возбудить судебное дело против любого, если имел основания считать, что затронуты интересы государства. Суд использовался даже как орган международных отношений. Афины контролировали союзников в том числе и через судебные органы (см.: Паршиков 1974; Кондратюк 1983: 363, 364).

4. Редистрибуция власти

Напомню, что я определял **редистрибуцию власти как процесс распределения и перераспределения власти между центром и периферией, что позволяет верховной власти не только контролировать периферию, но и переориентировать потоки властных функций и действий на центр, где значительная часть власти (а также и материальных ресурсов) задерживается** (см. подробнее: Гринин 2006б).

В ранних (особенно небольших) государствах редистрибуция власти связана с борьбой (сосуществованием) между центрами (органами) власти за первенство. Например, в Спарте существенными были соперничество, а то и прямой конфликт за властные полномочия между эфорами (старейшинами) и царями (см.: Строгеецкий 1979). В Афинах редистрибуция власти выражается в борьбе групп населения и органов, через которые они могут влиять на государство. Соответственно одни органы приобретают больше прав, а другие утрачивают их. Например, в Афинах в V в. мы видим рост роли народного собрания и уменьшение роли органа аристократии – *ареопага*, а также и вообще позиций аристократии. Если в VII веке до н. э. Совет ареопага, по словам Аристотеля (Афинская полития. 3.6), распоряжался большинством важнейших дел в государстве, безапелляционно налагая кары и взыскания на всех нарушителей порядка, то затем к концу V в. до н. э. он утратил почти всякое политическое значение и превратился в специальный суд по религиозным вопросам. Мало того, он в связи с изменением системы комплектования утратил и роль главного органа олигархии (см.: Кошеленко 1987: 44, 68). Правда, процесс этот был неровный и негладкий. В частности, в период с 478 по 462 год до н. э. его влияние вновь усилилось, чтобы затем окончательно ослабеть в результате деятельности Эфиальта, Конона, Фемистокла и других (см.: Аристотель. Афинская полития. 25.1–3)⁴⁹.

Всю историю Афин можно представить как процесс редистрибуции власти от аристократии и выдающихся людей к демосу и мало-

имущим: реформы Солона, которые укрепили базу демократии; задача средств демосу; закон об изгнании политиков – *остракизме* – (см. дальше); право населения на участие в судах; обязанность имущих давать деньги на государственные дела (*литургии*); ограничение числа лиц, имеющих право гражданства; развитие системы доносов; введение смертной казни за покушение на демократический строй; введение в начале IV века платы за посещение народных собраний (о последнем см.: Дьяков 1956: 399; Ковалев 1936: 289) и т. д.

Разумеется, процесс перераспределения власти от аристократии и имущих к малоимущим не может идти до конца. Он и без того в Афинах зашел слишком далеко. И в этом заключалась одна из причин того, почему Афинское государство, в отличие от Римского, так и не смогло стать развитым.

В истории Афин (как и Рима) также можно увидеть и другие линии редистрибуции власти. В частности, стоит отметить борьбу народного собрания за то, чтобы не позволить концентрировать в руках каких-то органов или людей слишком большую власть. Именно на это был направлен знаменитый закон об изгнании (*остракизме*)⁵⁰. Либо борьба групп означала создание дополнительных органов или дополнительного представительства. Так, например, был создан институт народных трибунов в Риме. Другой момент заключался в удовлетворении требований демократических слоев населения о письменной фиксации права, как это было с законами Драконта в Афинах и с законами XII таблиц в Риме (см.: Каллистов 1956: 672; Кузищин 1994: 56).

Начиная с V века в Афинах и некоторых других крупных полисах процесс редистрибуции власти идет уже в классическом варианте в связи с ростом их значения как центров союзов: Афинского морского, Пелопоннесского, Коринфского. Ряд полномочий от союзников переходит к этим центрам. Процесс этот, однако, не пошел достаточно далеко.

В Риме гораздо раньше начался классический процесс редистрибуции власти от периферии в центр, который позволил сделать государственный аппарат более крепким и устойчивым. Но и в Риме шла борьба за то, какие органы какими полномочиями будут обладать, какой орган станет ведущим. В этом плане интересно развитие сената, который постепенно все более превращал народные собрания (и без того не столь властные, как у греков) во второстепенный орган, хотя формально эти собрания оставались высшим органом власти⁵¹. Власть сената стала огромной, особенно в связи с тем, что с 354 г. до н. э. в него стали входить по окончании срока службы и высшие магистраты. «От сената зависели война и мир, заключение договоров, назначение главнокомандующего, вывод колоний, все дела по финансовому управлению, сенат не вмешивался только в дела судебные, военные и текущую администрацию» (Моммзен 1993: 42), поскольку это была прерогатива магистратов.

Далее в Риме идет процесс редистрибуции власти по типу империи, когда он присоединяет одну италийскую территорию за другой,

а затем и одну провинцию за другой. Соответственно Рим назначает полновластных наместников, перераспределяет земельный фонд, вводит налоги, грабит эти территории (особенно провинции) по праву победителя и т. п. Концентрация власти в Риме над громадными покоренными территориями, равно как и концентрация рабов в Италии, достигает столь высокой степени, что вся государственная конструкция не выдерживает. Требуется перестройка. Соответственно конец II и весь I век до н. э. связан с попытками радикальных реформ, диктатурами, гражданскими и союзническими войнами, восстаниями рабов, репрессиями и конфискациями. И все это в конце концов ведет к большим изменениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, ван дер Влит указывает, что существуют определенные трудности при приложении концепции раннего государства Классена и Скальника к государствам классической Греции, поскольку согласно этой концепции в государстве должен быть правитель, который управляет, опираясь на своих родственников и хотя бы небольшой аппарат. В классических же полисах-государствах не было единоличного правителя, а существовало выборное и коллегиальное управление (van der Vliet 1987: 70). Собственно, и сам Классен признает, что Афины развивались согласно другому типу социально-политической организации, чем большинство государств, и фактически чем предполагает его концепция (Claessen, van de Velde 1987: 17).

² См., например, как Классен и Скальник (Claessen 1978: 589; Claessen, Skalnik 1978b: 633) характеризуют различия между зачаточным, типичным и переходным ранними государствами.

³ В частности, думается, от этого будет также зависеть и решение вопроса о признании государством или его аналогом Карфагена, поскольку сходство государственного устройства Карфагена и Рима (равно как сходство и того и другого с греческими полисами) не может не бросаться в глаза, и это отмечается исследователями (см., например: Horden 1971: 72; см. также: Виппер 1995: 266–267; Циркин 1987: 105–106). Сходство Карфагена с полисами отмечал еще Аристотель (см.: Доватур 1965: 12).

Под сомнение можно поставить и государственность в некоторых средневековых, например, итальянских республиках. К сожалению, эти вопросы выходят за рамки возможностей нашего исследования.

⁴ Кочакова вообще считает сакральный характер власти универсальной чертой раннего государства (Кочакова 1995: 158). Но тут она переносит специфику Африки на другие регионы. А, скажем, власть древнерусского князя сакральной назвать никак нельзя.

⁵ «Появление князя создало новый класс – княжескую дружину, ближайших его помощников и сотрудников по управлению войском и княжеством» (Шмурло 2000, 1: 107).

⁶ См., например, о роли торговли в Хазарии и, в частности, о ее столице, торговом городе Игиле: Плетнева 1987: 206–207; 1986; Шмурло 2000, 1: 38. О Тюркском каганате см.: Гумилев 1993: 42.

⁷ Но речь идет о Руси конца XV – начала XVI в., то есть при позднем Иване III и Василии III. Далее военно-служивый характер государства усиливается, но Русь

в период царствования Ивана Грозного переходит уже от раннего к развитому государству. Однако Московское княжество (впрочем, как и другие русские северо-восточные княжества Тверь, Рязань) имело иной характер. Тут можно согласиться с определением Пайпса (1993; 1994), что оно было вотчинным. Хотя для Руси XVI–XVII веков это определение, на мой взгляд, уже не подходит.

⁸ О Бенине см.: Бондаренко 1995; 2001; Bondarenko 2005. См. также по вопросу о моей позиции по поводу определения Бондаренко Бенина как альтернативы государству: Гринин 2006б: 144.

⁹ Хотя определенная эволюция намечалась и здесь. В частности, в III–II вв. до н. э. союзы полисов стали гораздо более интегрированными. По мнению некоторых ученых, такие союзы, как Ахейский, Этолийский и другие, превратились в федеративные государства с единым гражданством, общим законодательством, исполнительными органами и постоянным союзным войском (см.: Сизов 1992: 72–73).

¹⁰ Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин и некоторые другие. См., например: Бондаренко 2001: 259; Бондаренко, Коротаев, Крадин 2002: 16; Коротаев, Крадин, Лынша 2000: 37; Bondarenko, Korotayev 2000: 10–11; Korotayev *et al.* 2000: 25. Из зарубежных ученых подобные взгляды разделяет, например, Карлледж (Cartledge 1998).

¹¹ См., например, обсуждение этой проблемы на страницах журнала *Social Evolution & History* (Grinin 2004a; van der Vliet 2005; Claessen 2005; Berent 2006).

¹² По поводу понятий «развитое» и «зрелое» государство см.: Гринин 2006в.

¹³ См. о таких полисах, лишенных городских центров: Андреев 1989: 72; Коселенко 1983: 10–11.

¹⁴ Конечно, данных о внутренней жизни и политической истории Дельфийской политии недостаточно. Но есть несколько моментов, которые могут подтверждать это предположение: огромная роль в жизни ее общины дельфийского оракула; контроль за храмовым имуществом и священными землями со стороны так называемой Дельфийско-Пилейской *амфиктионии* (куда входили представители различных греческих племен); небольшой размер и военная слабость этой политии, а также вмешательство в ее дела других государств (см.: Глушкина 1983б: 45, 71).

¹⁵ Передача власти не от отца к сыну, а от брата к брату имела место и в других государствах, например у ацтеков, в некоторых обществах Африки. Причем у ацтеков такая форма сменила прямое наследование от отца к сыну (см.: Баглай 1995: 236).

¹⁶ Можно провести следующую аналогию. Известно, что высокопродуктивное и интенсивное земледелие оказалось возможным главным образом там, где культивировались зерновые культуры. А народы, которые выращивали тыквы, батат или другие овощи и корнеплоды, часто не могли перейти к интенсивному земледелию. Но ведь это вовсе не значит, что мы на этом основании будем считать земледельцами только тех, кто выращивал злаки.

¹⁷ И только в отношении подобных полисов (а никак не в отношении их античных потомков) и будет справедливым утверждение Классена (Claessen 2004: 75; Классен 2006) о догосударственном характере полиса, что полисы, как вожества или большие конгломераты под руководством бигменов, были более ранними формами социально-политической организации, чем государство.

¹⁸ Но когда государственный тип полиса утвердился, планка необходимых объемов населения, естественно, могла снизиться (иногда до 1–2 тыс. человек),

так как теперь в колониях и в малых полисах шло прямое копирование политического устройства крупных политий.

¹⁹ Формирование Спартанского государства шло вместе с завоеванием и подчинением соседней страны Мессении, в которой, по мнению ван дер Влита (2006), процесс формирования полиса и государства начался слишком поздно, чтобы мессенцы могли оказать эффективное сопротивление спартанской экспансии.

²⁰ О роли свободных земель в процессе генезиса государства и классов в Риме см., например: Немировский 1962: 256.

²¹ См., например, о теснейшей связи развития мореплавания, торговли, демографического роста и государственности в полисах Древней Греции в доклассический период: Фролов 1986: 40–43.

²² А вот с изменением производственного и экономического базиса в связи с развитием промышленного капитализма и демократия стала более устойчивой и широко распространенной.

²³ Аристотель говорит даже, что в демократиях «народная масса господствует над законами» (Аристотель. Политика. Книга V, 1310a 3–4).

²⁴ По мнению Д. Руссела, в Риме очень рано появилась более четко выраженная собственно государственная система с концепцией особой власти сената и отдельных магистратов (особенно высших, для которых характерен *imperium*). Эта власть могла быть противопоставлена воле гражданства (Roussel 1976; см. также: Кошеленко 1983: 23). В Риме государство было гораздо более ясно выражено, и власть государства более отчетлива, чем в греческих полисах (ван дер Влит 2006).

²⁵ Возможно, что финикийские города-государства существовали дольше, но это были монархические, а не республиканские политии.

²⁶ Далее все ссылки на Берента и Штаерман, если это специально не оговаривается, даны по: Verent 2000b, Штаерман 1989.

²⁷ Афинское государство сдавало рабов «в наем» предпринимателям для работ на рудниках и в других местах. И это, согласно Ксенофону, было важным источником государственных доходов (Сергеев 2002: 288). Из добытого серебра афинские власти чеканили монеты, и определенное количество доставалось концессионеру в качестве дохода (ван дер Влит 2006).

²⁸ Восстаний рабов в США было мало и они не были масштабными (см.: Zinn 1995: 167 и др.). Закон о беглых рабах был принят только в 1850 году под влиянием деятельности аболиционистов (одних организаций которых уже в 1840 году было 2 тыс.), которые создали специальную организацию для переправления беглых рабов в Северные штаты и Канаду и освободили таким образом 75 тыс. рабов. И этот закон был нужен, прежде всего, для поимки рабов в свободных штатах (см.: Алентьева 1983: 367 и др.; Куропятник 1961: 31–32; Козенко, Севостьянов 1994: 73–76).

²⁹ Похожим был закон Петелия в 326 г. до н. э. в Риме (см.: Немировский 1962: 262).

³⁰ Каждый метек был обязан уплачивать государственный налог в размере 12 драхм (см.: Машкин 1956: 242).

³¹ И в любом случае заметное **социальное неравенство, которое поддерживалось (или санкционировалось) государством, было в каждом в раннем государстве**. Собственно, теоретики раннего государства подчеркивали наличие по крайней мере двух таких классов в раннем государстве (управляющих и управляемых) в качестве обязательного признака такого рода политии (см.: Claessen, Skalnik 1978c: 640; Claessen 2004: 74; см. также: Маяк 1989: 95–96).

³² Различные точки зрения о населении Афин в V–IV вв. до н. э. см. также: Машкин 1956: 241; Finley 1977: 54–55. Обобщая разные подсчеты, Кошеленко пишет: большинство ученых считают, что рабы составляли от одной четверти до 43 % населения Аттики (Кошеленко 1987: 57–58).

³³ Советские историки (так же, как сегодня многие российские) предпочитали, правда, говорить о монополизации общественной должности или функции общественного управления, но это, в принципе, одно и то же.

³⁴ Берент тут занимает нечеткую позицию не только в статье, но и в докторской диссертации. Афины и другие полисы он определенно относит к безгосударственным политиям, но не решается ни прямо отказать Спарте в государственном статусе, ни признать ее государством, прибегая к весьма сомнительным доводам (см.: Berent 1994: 181–200). В любом случае он рассматривает Спарту как исключение среди других полисов, и этот случай требует, по его мнению, особого обсуждения (Berent: 228, note 6).

³⁵ Еще одним вариантом были некоторые итальянские республики в XII–XV вв. В период городских коммун (XII–XIII вв.) на должность *подеста* (городского военачальника и судьи) нередко приглашался чужеземец обычно сроком на год. Он привозил с собой весь штат, включая нотариусов и судей, и имущество, а город оплачивал его службу и расходы (Баткин 1970: 235). Таким образом, значительная часть исполнительной власти здесь также сменялась ежегодно. Нечто похожее было и в Новгороде, где приглашался князь с дружиной.

³⁶ Исполнительная военная власть была куда сильнее.

³⁷ Например, Русская правда Ярослава Мудрого признавала кровную месть (см.: Шмурло 2000, 1: 112), то же можно сказать и о законах Моисея в Израиле (см.: Аннерс 1994: 32–33).

³⁸ Разве в России или в Южных штатах США крепостник и рабовладелец не имели права на применение насилия над своими невольниками?

³⁹ Это как с собственностью: где-то она в руках государства, а где-то в частных, но власть, так или иначе, контролирует и право собственности, и оборот последней.

⁴⁰ В этом плане любопытны государства, возникшие в ходе таких восстаний. О них см., например: Чиркин 1955. Стоит отметить, что даже классики марксизма, определявшие государство как орудие классового господства, подчеркивали, что в абсолютной монархии оно нередко выступало как надклассовая сила. Подобные идеи об относительной независимости государства, в частности в период новой истории, высказываются и рядом отечественных и зарубежных ученых (см., например: Малов 1994: 138; Goldstone 1991).

⁴¹ В связи с изложенными соображениями об особенностях демократических государств вообще и античных в частности хочу ответить Д. М. Бондаренко на замечание по поводу моей дефиниции государства. В ней я определял государство как политическую единицу, представляющую *отделенную от населения организацию власти и администрирования* (полностью дефиницию см. на стр. 29, прим. 2 настоящего тома). Но Д. М. Бондаренко (Bondarenko 2005: 57) почему-то считает, что такая формулировка обозначает обязательное наличие профессионального аппарата управления (*professional full-time administration*). Отсюда он заключил, что это мое определение противоречит моему же тезису о том, что для раннего государства наличие профессионального аппарата управления необязательно (какового аппарата, как мы видели, почти не было ни в Афинах, ни в Риме).

Однако на самом деле «противоречие» между моими определением и тезисами имеет место только в толковании моего оппонента. Возможно, он считает, что

«отделенная от населения система власти и администрирования» обязательно должна состоять из профессиональных чиновников. Однако из *моего* определения это вовсе не вытекает. Напротив, именно такой узкий взгляд, что управление в государстве могло быть только в виде профессиональной бюрократии и никак иначе, я и критикую (поскольку такой подход заводит решение проблем в тупик). Если он нравится Д. М. Бондаренко, это его право. Но я не могу отвечать за то, чего в моих формулировках нет и быть не могло.

Отделенная от населения организация власти и администрирования означает только то, что в государстве должна существовать система органов власти и управления (а администрирование и есть *управление*), которая более или менее институционализована, имеет достаточно четкие полномочия, правила, действует постоянно, а не от случая к случаю и не в каких-то экстренных обстоятельствах. И такое понимание смысла указанной формулировки совершенно определенно вытекает из лексического значения использованных мной слов.

Организация власти и администрирования также означает, что в государстве имеются статусные, наделенные полномочиями должности, и эти должности занимают люди, приобретающие, пока они обладают должностью, ранг официальных лиц, действующих от имени государства. Но вовсе не обязательно, что такие должности занимают именно профессиональные чиновники с корпоративной этикой и получающие за это жалованье, что они занимают эти должности неопределенно долгий срок и т. п.

Таким образом, выполняются эти должностные функции постоянно или временно, долгий срок или короткий, профессионалами или нет, за плату или бесплатно, это более конкретный и *для общего определения* государства не важный вопрос. Главное – имела ли система властных и административных органов, включающих в себя определенное количество официальных (в античном случае они были даже штатными) должностей, с легальными полномочиями, имеющих возможности навязывать свою волю, опираясь на поддержку государства? То, что в Афинах и тем более в республиканском Риме существовала такая система администрирования и отделения власти от населения, несомненно. Вся моя статья доказывает это (так же, как и статья ван дер Влита в настоящем томе [2006]).

Попутно еще раз замечу, что *отделенная от населения организация власти и управления* – при непредвзятом толковании смысла словосочетания – также вовсе не означает наличие профессиональных чиновников, а означает только то, что: а) не все население сразу выполняет данные функции; б) что эти функции не являются какой-то побочной деятельностью других негосударственных объединений от случая к случаю или не связаны с несанкционированным верховной властью статусом каких-то лиц (например, старшего в роде, религиозного вождя, члена жреческого сословия, харизматического лидера и т. п.); в) полномочия на выполнение этих функций приобретаются на особых условиях, которые определяются источником власти (в античном случае это происходит на законных и специально оговоренных, требующих особой процедуры условиях).

И, наконец, подчеркну, что, поскольку указанное определение относится к государству вообще, а не конкретно к раннему государству, вышеприведенные пояснения приобретают еще большую актуальность. Ведь, как я уже указывал, именно среди ранних государств имелось особое разнообразие типов управления, а бюрократический тип стал преобладать уже в период развитого и зрелого государств (см. подробнее: Гринин 2006в).

⁴² Правда, в период гегемонии в Делосском морском союзе Афины и фактически были географическим центром.

⁴³ В частности, в Афинах в 410 году был принят специальный закон, который объявлял врагом народа всякого, кто попытается свергнуть демократический

строй Афин или во время свержения демократии займет какой-либо пост. Виновые в этом преступлении подлежали смертной казни, а их имущество – конфискации. Такого злоумышленника всякий мог безнаказанно убить, получив половину его имущества. Этот закон после свержения «тирании тридцати» был дополнен разрешением доносить на тех, кто угрожает демократии (Берве 1997: 261–264; Виппер 1995: 253).

⁴⁴ Например, в IV в. до н. э. в Риме были приняты законы Лициния и Секстия, которые ограничивали владение на общественном поле нормой в 500 югеров (примерно 125 га) (см.: Немировский 1962: 261; Ковалев 1936: 81). В конце II века до н. э. братья Гракхи возобновили с некоторыми изменениями (о них см.: Нечай 1972: 187) действия таких ограничений. В результате поражения Гракхов был принят в 111 г. до н. э. закон Спурия Тория, которым переделы общинно-государственных земель прекращались, а земельные наделы становились частной собственностью их владельцев (Косарев 1986: 61). До этого с юридической точки зрения право собственности на все земли (за исключением мелких участков, переданных в собственность граждан) принадлежало государству (Луццатто 1954: 53).

⁴⁵ Но, кстати сказать, число профессиональных чиновников в высокбюрократических странах могло быть и не столь уж большим. Например, в начале XIX в. в Китае численность гражданских чиновников составляла около 20 тыс. чел., а военных – 7 тыс. (Крюков и др. 1987: 34). В это время в Китае жило более 300 млн чел. (там же: 63). Сравните с тем, что в небольших Афинах многие тысячи граждан участвовали в управлении и судах (см. с. 365–366). Так что по отношению членов аппарата к численности населения Афины могли соперничать с самыми бюрократическими государствами.

⁴⁶ По словам Аристотеля, таких было до 700 человек (Афинская полиция 24.3).

⁴⁷ Однако тут нет какой-то исключительности. Во многих государствах (и не только ранних) на те или иные должности по каким-то причинам приглашались иноземцы или назначались рабы. Это было одним из новых направлений формирования аппарата (см.: Гринин 2006б).

⁴⁸ Правда, победить подкуп избирателей так и не удалось. И в конце существования Римской республики он принял широчайшие размеры, так что народ приходил на выборы подкупленным и была заранее известна сумма, с помощью которой можно было достичь высших магистратур. Это было одним из ярких показателей кризиса республиканского строя (см.: Утченко 1965: 117).

⁴⁹ О некоторых перипетиях борьбы знатных родов между собой, а также знати и демоса в VI в. до н. э. см.: Зельин 1964.

⁵⁰ Остракизм – внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на определенный срок с сохранением за ними гражданства и имущества и с последующим полным восстановлением в политических правах. Это не было наказанием за преступление. Такое изгнание осуществлялось в профилактических целях. Граждане путем голосования определяли, кто из политиков представляет опасность для государства, например, кто казался потенциальным захватчиком власти и тираном либо был источником постоянных раздоров в обществе. Тот, кто набирал больше всех голосов (надписанных глиняных черепков – *остраконов*, отсюда слово «остракизм»), должен был покинуть Афины на десять лет. Остракизм существовал не только в Афинах, но и в некоторых других полисах (Суриков 2005: 113–114).

⁵¹ Теодор Моммзен пишет по этому поводу: «Мало-помалу сенат фактически присвоил себе право отменять постановления общины под условием, что община потом одобрит его решение, но согласие общины обыкновенно затем не испрашивалось» (Моммзен 1993: 42. См. также: Утченко 1965: 85).

ЛИТЕРАТУРА

- Алаев, Л. Б.** 1995. Восток в мировой типологии феодализма. В: Алаев, Л. Б., Ашрафян, К. З. (ред.), *История Востока*: В 6 т. Т. 2. *Восток в средние века* (с. 600–626). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН.
- Алентьева, Т. В.** 1983. На пути к неотвратимому конфликту. В: Болховитинов, Н. Н. (ред.), *История США*. Т. 1. 1607–1877 (с. 362–392). М.: Наука.
- Андреев, Ю. В.**
1976. *Раннегреческий полис. Гомеровский период*. Л.: Изд-во ЛГУ.
1979. Античный полис и восточные города-государства. В: Фролов, Э. Д. (ред.), *Античный полис* (с. 8–27). Л.: изд-во Ленингр. ун-та.
1983. Спарта как тип полиса. В: Голубцова 1983а: 194–216.
1989. Гражданская община и государство в античности. *Вестник древней истории* 4: 71–74.
- Аннерс, Э.** 1994. *История европейского права* / пер. со шв. М.: Наука.
- Арон, Р.** 1993. *Демократия и тоталитаризм* / пер. с фр. М.: Текст.
- Баглай, В. Е.** 1995. Древнеацтекское государство: структура власти и управления. В: Попов (ред.) 1995: 230–258.
- Баткин, Л. М.** 1970. Период городских коммун. В: Сказкин и др. (ред.) 1970: 200–272.
- Берве, Г.** 1997. *Тираны Греции* / пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс.
- Берент, М.**
2000. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество. В: Крадин и др. (ред.) 2000: 235–258.
2002. Греция (XI–IV вв. до н. э.). В: Бондаренко, Коротаев 2002: 223–248.
- Бондаренко, Д. М.**
1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть*. М.: Институт Африки РАН.
2001. *Доимперский Бенин: формирование и эволюция социально-политических институтов*. М.: Институт Африки РАН.
- Бондаренко, Д. М., Коротаев, А. В., Крадин, Н. Н.** 2002. Введение: Социальная эволюция, альтернативы и номадизм. В: Крадин, Н. Н., Бондаренко, Д. М. (ред.), *Кочевая альтернатива социальной эволюции* (с. 9–36). М.: Институт Африки РАН.
- Бонгард-Левин, Г. М.** 1979. Индия в древности. В: Антонова, К. А., Бонгард-Левин, Г. М., Котовский, Г. Г. (ред.), *История Индии* (с. 8–165). М.: Мысль.
- Бонгард-Левин, Г. М., Ильин, Г. Ф.** 1969. *Древняя Индия: Исторический очерк*. М.: Вост. лит-ра, Наука.
- Бочаров, К. И.** 1936. *Очерки истории военного искусства*. Т. 1. *Древний мир*. М.: Госвоениздат.
- ван дер Влит, Э.** 2006. Полис: проблема государственности. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 387–412). Волгоград: Учитель.
- Виноградов, Ю. Г.** 1983. Полис в Северном Причерноморье. В: Голубцова 1983а: 366–420.
- Вишпер, Р. Ю.** 1995. *Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи* (начало): В 2 т. Т. 1. Ростов н/Д: Феникс.
- Виткин, М. А.** 1968. Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. В: Данилова 1968: 425–454.

Вебер, М. 1994. Город. В: Вебер М. *Избранное. Образ общества* (с. 309–446) / пер. с нем. М.: Юрист.

Геллнер, Э. 1991. *Нации и национализм* / пер. с англ. М.: Прогресс.

Глускина, Л. М.

1983а. Проблемы кризиса полиса. В: Голубцова 1983б: 5–42.

1983б. Дельфийский полис в IV в. до н. э. В: Голубцова 1983: 43–72.

Годинер, Э. С. 1982. *Возникновение и эволюция государства в Буганде*. М.: Наука.

Голубцова, Е. С. (ред.)

1983а. *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса*. М.: Наука.

1983б. *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 2. *Кризис полиса*. М.: Наука.

Гордлевский, Вл. 1941. *Государство Сельджукидов Малой Азии*. М. –Л.: изд-во АН СССР.

Гринин, Л. Е.

1997. Формации и цивилизации. Гл. 4. Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 5: 5–63.

2001–2005. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество* № 4/2001 (с. 5–60); 2/2002 (с. 5–74); 3/2002 (с. 5–73); 2/2003 (с. 5–42); 3/2003 (с. 5–57); 1/2004 (с. 5–44); 4/2004 (с. 5–44); 4/2005 (с. 5–29).

2006а. *Государство и исторический процесс*. Волгоград: Учитель. (В печати.)

2006б. Раннее государство и его аналоги. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 85–163). Волгоград: Учитель.

2006в. От раннего государства к зрелому. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 523–556). Волгоград: Учитель.

Громаков, Б. С. 1986. *История рабовладельческого государства и права (Афины и Рим)*. М.: ВЮЗИ.

Гумилев, Л. Н. 1993. *Древние тюрки*. М.: Клышников, Комаров и К°.

Гуревич, А. Я. 1970. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М.: Высшая школа.

1980. Образование раннефеодального государства в Норвегии (конец IX – начало XIII в.). В: Кан, А. С. (ред.), *История Норвегии* (с. 126–151). М.: Наука.

Даль, Р. 2000. *О демократии* / пер. с англ. М.: Аспект Пресс.

Данилова, Л. В. (ред.) 1968. *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.: Наука.

Доватур, А. 1965. *Политика и политики Аристотеля*. М.–Л.: Наука.

Дройзен, И. 1995. *История эллинизма*: В 3 кн. Кн. 1 / пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс.

Дьяков, В. Н. 1956. Греция в первой половине VI в. до н. э. В: Струве и др. (ред.). С. 391–447.

Дьяконов, И. М. 2000. Переход к территориальному государству в Месопотамии. В: Якобсон (ред.) 2000: 57–66.

Емельянов, В. В. 2003. *Древний Шумер*. СПб.: Азбука-классика, Петерб. Востоковедение.

Зельин, К. К. 1964. *Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э.* М.: Наука.

Каллистов, Д. П. 1956. Аттика в VIII–VI вв. до н. э. Образование Афинского государства. В: Францев, Ю. П. (ред.), *Всемирная история*: В 10 т. Т. 1: 670–676. М.: Госполитиздат.

Качановский, Ю. В. 1971. *Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?* М.: Наука.

Каутский, К. 1931. *Материалистическое понимание истории* / пер. с нем. Т. 2. М. – Л.

Киселев, Г. С. 1981. *Хауса. Очерки этнической, социальной и политической истории.* М.

Классен Х. Дж. М. 2006. Было ли неизбежным появление государства? В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротяев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 71–84). Волгоград: Учитель.

Климанов, Л. Г. 1990. *Cor nostri status*: историческое место канцелярии в венецианском государстве. В: Рутенбург, Медведев (ред.) 1990: 80–105.

Кобищанов, Ю. М. 1974. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития. В: Куббель, Л. Е. (ред.), *Африка: возникновение отсталости и пути развития* (с. 85–290). М.: Наука.

Ковалев, С. И. 1936. *История античного общества. Эллинизм.* Рим. Л.: Соцгиз.

Козенко, Б. Д., Севостьянов, Г. Н. 1994. *История США.* Самара: изд-во Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Кондратьев, М. В. 1983. Архэ и афинская демократия. В: Голубцова (ред.) 1983а: 327–365.

Коротяев, А. В., Крадин, Н. Н., Лыньша, В. А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). В: Крадин и др. (ред.) 2000: 24–83.

Корчагина, М. Б. 1996. Национал-социализм в Германии. В: Драбкин, Я. С., Комолова, Н. П. (ред.), *Тоталитаризм в Европе XX века* (с. 122–149). М.: Памятники исторической мысли.

Косарев, А. И. 1986. *Римское право.* М.: Юридическая лит-ра.

Кочакова, Н. Б.

1968. *Города-государства йорубов.* М.

1995. Размышления по поводу раннего государства. В: Попов, В. А. (ред.) 1995: 153–164.

Кошеленко, Г. А.

1979. *Греческий полис на эллинистическом Востоке.* М.: Наука.

1983. Введение. Древнегреческий полис. В: Голубцова 1983а: 9–36.

1987. О некоторых проблемах становления и развития государственности в Древней Греции. В: Рыбаков Б. А. (ред.), *От доклассовых обществ к раннеклассовым* (с. 38–73). М.: Наука.

Крадин, Н. Н., Коротяев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лыньша, В. А. (ред.) 2000. *Альтернативные пути к цивилизации.* М.: Логос.

Краснова, И. А. 2000. Принципы выборности во Флоренции XIV–XV веков. В: Сванидзе (ред.) 2000: 57–67.

Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. 1987. *Этническая история китайцев на рубеже средневековья и Нового времени.* М.: Наука.

Куббель, Л. Е. 1974. *Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя*. М.: Наука.

Кузищин, В. И.

1989. О формировании государства в Риме. *Вестник древней истории*: 3: 92–94. 1994 (ред.). *История Древнего Рима*. Изд. 3-е. М.: Высшая школа.

Куропятник, Г. П. 1961. *Вторая американская революция*. М.: Госучпедгиз.

Кучма, В. В. 1998. *Государство и право Древнего мира: Курс лекций по истории государства и права зарубежных стран*. Волгоград: Офсет.

Курбатов, Г. Л., Фролов, Э. Д., Фроянов, И. Я. (ред.) 1986. *Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.

Ленин, В. И. 1974 [1917]. *Государство и революция*. В: Ленин, В. И., *Полное собрание сочинений*. Том 33. М.: Полит. лит-ра.

Луццатто, Дж. 1954. *Экономическая история Италии* / пер. с итал. М.: ИЛ.

Малов, В. Н. 1994. Европейский абсолютизм второй половины XVII – начала XVIII века. В: Барг, М. А. (ред.), *История Европы*: В 8 т. Т. 4. *Европа Нового времени* (с. 138–179). М.: Наука.

Мананчикова, Н. П. 2000. Структура власти в Дубровнике XIV–XV веков: от коммуны к республике. В: Сванидзе (ред.) 2000: 50–57.

Маринович, Л. П. 1975. *Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса*. М.: Наука.

Маринович, Л. П., Кошеленко, Г. А. 1995. Древний город и античный полис. В: Сайко, Э. В. (ред.), *Город как социокультурное явление исторического процесса* (с. 93–99). М.: Наука.

Машкин, Н. А. 1956. К вопросу об экономической жизни Греции классического периода. В: Струве и др. (ред.) 1956: 234–266.

Маяк, И. Л. 1989. К вопросу о социальной структуре и политической организации архаического Рима. *Вестник древней истории* 3: 94–97.

Михельс, Р. 2000 (1925). Демократическая аристократия и аристократическая демократия. *Социологические исследования*: 1: 107–114.

Моммзен, Т. 1993. *История Рима* / пер. с нем. СПб.: Лениздат.

Монтескье, Ш. 1955 [1748]. О духе законов. В: Монтескье, Ш., *Избранные произведения* (с. 159–733). М.: Госполитиздат.

Немировский, А. И. 1962. *История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.

Нечай, Ф. М. 1972. *Образование Римского государства*. Минск: Изд-во БГУ.

Никифоров, В. Н. 1977. *Восток и всемирная история*. М.: Наука.

Пайпс, Р.

1993. *Россия при старом режиме* / пер. с англ. М.: Независимая газета.

1994. *Русская революция*: В 2 ч. / пер. с англ. М.: Росспэн.

Паршиков, А. Е. 1974. Организация суда в Афинской державе. *Вестник древней истории* 2: 57–68

Петросян, Ю. А. 1990. *Османская империя. Могущество и гибель: Исторические очерки*. М.: Наука.

Петкевич, К. 2002. Казацкое государство (Неиспользованная возможность построения Украинского государства). В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Природа и самоорганизация общества*. М.: Моск. лицей.

- Плетнева, С. А.**
1986. *Хазары*. М.: Наука.
1987. Города кочевников. В: Рыбаков Б. А. (ред.), *От доклассовых обществ к раннеклассовым* (с. 198–212). М.: Наука.
- Рутенбург, В. И.** 1990. Генуэзский вариант итальянской синьории. В: Рутенбург, Медведев (ред.) 1990: 71–79.
- Рутенбург, В. И., Медведев, И. П. (ред.)** 1990. *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.)*. Л.: Наука.
- Рыбаков, Б. А.**
1987. *Мир истории. Начальные века русской истории*. М.: Молодая гвардия.
- Сванидзе, А. А. (ред.)** 2000. *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 3. *Человек внутри городских стен. Формы общественных связей*. М.: Наука.
- Сергеев, В. С.** 2002. *История Древней Греции*. СПб: Полигон.
- Сизов, С. К.** 1992. О причинах расцвета федеративных государств в эллинистической Греции. *Вестник древней истории* 2: 72–86.
- СИЭ – Советская историческая энциклопедия**. М.: Советская энциклопедия. 1967. Новгородская феодальная республика. *СИЭ* 10: 267–272.
- Сказкин, С. Д., Котельникова, Л. А., Рутенбург, В. А. (ред.)** 1970. *История Италии*: В 3 т. Т. 1. М.: Наука.
- Строганов, А. И.** 1995. *Новейшая история стран Латинской Америки*. М.: ВШ.
- Строева, Л. В.** 1978. *Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв.* М.: Наука.
- Струве, В. В., Калистов, Д. П., Блаватская, Т. В., Машкин, Н. А., Зебелев, Т. В., Волгин, В. П. (ред.)** 1956. *Древняя Греция*. М.: Наука.
- Строгецкий, В. М.** 1979. Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте. В: Фролов, Э. Д. (ред.), *Античный полис* (с. 42–81).
- Суриков, И. Е.** 2005. Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена. *История и современность* 2: 113–130.
- Трухина, Н. Н.** 1989. Римская *civitas* III–II вв. до н. э.: архаичный раннеклассовый социум или государство? *Вестник древней истории* 4: 74–75.
- Утченко, С. Л.** 1965. *Кризис и падение Римской республики*. М.: Наука.
- Федоров, К. Г., Лисневский, Э. В.** 1994. *История государства и права зарубежных стран*. Ростов н/Д: изд-во Ростов. ун-та.
- Фролов, Э. Д.** 1986. Рождение греческого полиса. В: Курбатов и др. (ред.) 1986: 8–99.
- Фроянов, И. Я., Дворниченко, А. Ю.** 1986. Города-государства в Древней Руси. В: Курбатов и др. (ред.) 1986: 198–311.
- Хоцей, А. С.** 2000. Теория общества: В 3 т. Т. 2. Казань: Матбугат Йорты.
- Циркин, Ю. Б.** 1987. *Карфаген и его культура*. М.: Наука.
- Чиркин, В. Е.** 1955. Об изучении государственных образований, возникших в ходе восстаний рабов и крестьян. *Вопросы истории* 9: 57–64.
- Шмурло, Е. Ф.** 2000. *Курс русской истории*: В 4 т. Т. 1. *Возникновение и образование Русского государства*. СПб.: Алетейя: С.-Петербург. ун-т МВД России и др.
- Штаерман, Е. М.**
1968. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. В: Данилова (ред.) 1968: 638–671.

1989. К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории* 2: 76–94.

1990. К итогам дискуссии о Римском государстве. *Вестник древней истории* 3: 68–75.

Энгельс, Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс и Энгельс, *Сочинения*. 2-е изд. Т. 21: 23–178. М.: Политиздат.

Яйленко, В. П. 1983. Архаическая Греция. В: Голубцова 1983а: 128–193.

Якобсон, В. А.

1984. Некоторые проблемы исследования государства и права Древнего Востока. *Народы Азии и Африки* 2: 89–96.

1989. Государство и социальная психология. *Вестник древней истории* 4: 75–78.

2000 (ред.). *История Востока*: В 6 т. Т. 1. Восток в древности. М.: Изд. фирма «Восточная лит-ра» РАН.

Якубский, В. А. 1993. Кризис Речи Посполитой. В: Дьяков, В. А. (ред.), *Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней* (с. 64–84). М.: Наука.

Ambrosino, J. N. 1995. Inter-societal Contact and the Rise of the State: a Brief Note Work in Progress. In Kradin, Lynsha 1995: 54–59.

Berent, M.

1994. *The Stateless Polis. Towards a Re-Evaluation of the Classical Greek Political Community*. A Dissertation submitted for the Ph. D. Degree. Cambridge: Sidney Sussex College.

2000a. Greece (11th–4th centuries B. C.). In Bondarenko, Korotayev 2000: 228–251.

2000b. The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community. In Kradin *et al.* 2000: 225–241.

2004. Greece: The Stateless Polis (11th–4th Centuries B. C.). In Grinin *et al.* (eds.) 2004: 364–387.

2006. The Stateless Polis: A Reply to Critics. *Social Evolution & History* 5 (1): 140–162.

Blair, P. H. [1966]. *Roman Britain and Early England 55 B. C. – A. D. 871*. New York – London: W. W. Norton and Company.

Bondarenko, D. M. 2005. A Homoarchic Alternative to the Homoarchic State: Benin Kingdom of the 13th–19th Centuries. *Social Evolution & History* 4 (2): 18–88.

Bondarenko, D. M., Grinin, E. E., Korotayev, A. V. 2002. Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History* 1: 54–79.

Bondarenko, D. M., Korotayev, A. V.

2000. Introduction. In Bondarenko, Korotayev 2000: 5–34.

2000 (eds.). *Civilizational Models of Politogenesis*. М.: IAF RAN.

Burke, P. 1986. City-States. In Hall, J. A. (ed.), *States in History* (pp. 137–153). Oxford: Basil Blackwell.

Carneiro, R. E.

1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.

1978. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. In Cohen, Service 1978: 205–223.

2000. *The Muse of History and the Science of Culture*. New York and others: Kluwer Academic / Plenum Publishers.

Cartledge, P. 1998. *Kosmos. Essays in Order, Conflict and Community in Classical Athens*. Cambridge.

- Claessen, H. J. M.**
1978. The Early State: A Structural Approach. In Claessen, Skalnik 1978a: 533–596.
2002. Was the State Inevitable? *Social Evolution & History* 1: 101–117.
2004. Was the State Inevitable? In Grinin, L. E., et al. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* (pp. 72–87). Volgograd.
2005. Early State Intricacies. *Social Evolution & History* 4 (2): 151–158.
- Claessen, H. J. M., Oosten, J. G. (eds.)** 1996. *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.
- Claessen, H. J. M., Skalnik, P.**
1978a (eds.), *The Early State*. The Hague: Mouton.
1978b. Limits: Beginnings and End of the Early State. In Claessen, Skalnik 1978a: 619–636.
1978c. The Early State: Models and Reality. In Claessen, Skalnik 1978a: 637–650.
- Claessen, H. J. M., Velde, P. van de**
1987. Introduction. In Claessen, van de Velde (eds.) 1987: 1–23.
1987. (eds.) *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.
1991. *Early State Economics*. New Brunswick, N. J.: Transaction.
- Dozhdev, D.** 2000. Rome (8th – 2th centuries B. C.). In Bondarenko, Korotayev 2000: 255–286.
- Feinman, G. M., Marcus, J. (eds.)** 1998. *Archaic States*. Santa Fe – New Mexico: School of American Research Press.
- Finley, M. I.**
1977. *The Ancient Greeks*. Harmondsworth: Penguin.
1983. *Economy and Society in Ancient Greece*. Harmondsworth: Penguin Books.
1985. *Democracy Ancient and Modern*. 2nd ed. London: The Hogarth Press.
- Fisher, N. R. E.** 1993. *Slavery in Classical Greece*. London: Intl Pub Marketing.
- Gellner, E.**
1983. *Nation and Nationalism*. Oxford: Blackwell.
1988. *Plough, Sword and Book. The Structure of Human History*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Goldstone, J.** 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Grinin, L. E.**
2004a. Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3 (2): 93–149.
2004b. Early State and Democracy. In Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., Korotayev, A. V. (eds.), *The Early State, Its Alternatives and Analogues* (pp. 419–463). Volgograd: Uchitel.
- Hansen, M. N.**
1989. *Was Athens a Democracy?* Copenhagen: Munksgaard.
1991. *Athenian Democracy in the Age of Demosthenes*. Oxford.
1998. *Polis and City-State. An Ancient Concept and Its Modern Equivalent*. Copenhagen: Munksgaard.
2002. Was the *Polis* a State or a Stateless Society? In Nielsen, T. H. (ed.), *Even More Studies in the Ancient Greek Polis*. Papers from the Copenhagen Polis Centre 6 (pp. 17–47). Stuttgart: Steiner.
- Harden, D.** 1971. *The Phoenicians*. Middlesex, England-Ringwood, Australia: Penguin. Books Ltd.

Johnson, A. W., Earle, T. K. 2000. *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.

Korotayev, A. V. 1995. Mountains and Democracy: An Introduction. In Kradin, Lynsha 1995: 60–74.

Korotayev, A. V., Kradin, N. N., Lynsha, V. A., Munck, V. de 2000. Alternatives of Social Evolution: An Introduction. In Kradin *et al.* 2000: 12–51.

Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., Munck, V. de, Wason, P. K. (eds.) 2000. *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: FEB RAS.

Kradin, N. N., Lynsha, V. A. (eds.) 1995. *Alternative Pathways to Early State*. Vladivostok: Dal'nauka.

Kurtz, D. 1984. Strategies of Legitimation and the Aztec State. *Ethnology* 22 (4): 301–314.

Marcus, J. 1998. The Peaks and Valleys of Ancient States: An Extension of Dynamic Model. In Feinman, G. M., Marcus, J. (eds.), *Archaic States* (pp. 59–94). Santa Fe – New Mexico: School of American Research Press.

Marcus, J., Feinman, G. M. 1998. Introduction. In Feinman, G. M., Marcus, J. (eds.), *Archaic States* (pp. 3–13). Santa Fe – New Mexico: School of American Research Press.

Mishra, P., Mishra, J. 2002. *Strategy of Power sharing in ancient India: with special reference to Kautilya's Arthashastra*. Paper presented at the International Conference 'Hierarchy and Power in the History of Civilizations'. St. Petersburg, July 4–7.

Osborne, R. 1985. *Demos: The Discovery of Classical Attika*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rhodes, P. J. 1993. The Greek Poleis: Demes, Cities and Leagues. In Hansen, M. H. (ed.), *The Ancient Greek City-State* (pp. 161–182). Copenhagen: Munksgaard.

Roussel, D. 1976. *Tribu et cité. Etudes sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique*. Paris.

Shiffert, P. A. 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. In Claessen, van de Velde 1987: 39–53.

Skalnik, P. 1996. Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana. In Claessen, Oosten 1996: 84–98.

Stuart-Fox, M. 2002. Evolutionary Theory of History. In Pomper, Ph., Gary Show, D. (eds.), *The Return of Science: Evolution, History, and Theory* (pp. 123–144). Lanham – New York – Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.

Tymowski, M. 1987. The Early State and after in precolonial West Sudan. Problems of the stability of political organizations and the obstacles to their development. In Claessen, van de Velde 1987: 54–69.

van der Vliet, E. Ch. L.

1987. Tyranny and Democracy. The Evolution of Politics in Ancient Greece. In Claessen, van de Velde (eds.) 1987: 1–23.

2005. Polis. The Problem of Statehood. *Social Evolution & History* 4 (2): 120–150.

Wright, H. T. 1977. Recent research on the Origin of the State. *Annual Review of Anthropology* 6: 379–397.

Zinn, H. 1995. *A People's History of the United States. 1492–present*. New York: Harper Perennial.